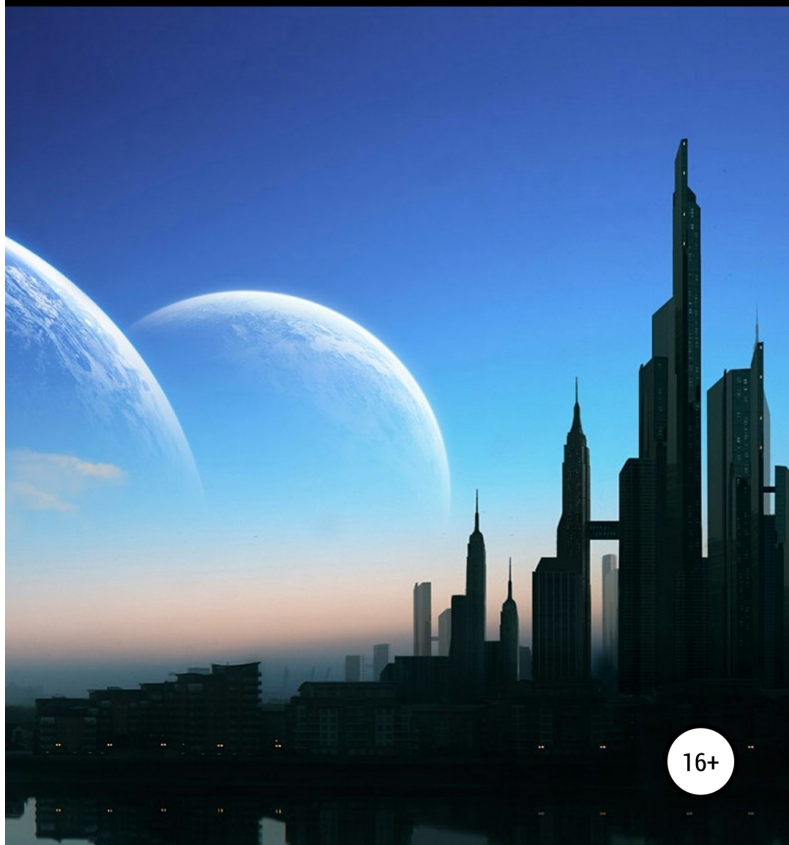


Дамиан Зорг

Паноптикум Z



16+

Дамиан Зорг

Паноптикум Z

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54775007

SelfPub; 2022

Аннотация

Вы когда-нибудь задумывались о том, почему на Земле такое невообразимое количество форм жизни? Кто их создал и зачем? Казалось бы, ответ на этот вопрос можно найти во всех известных религиях или научных исследованиях о происхождении жизни на планете. Точнее множество ответов на любой вкус и цвет, но есть ли среди них верный?

Некогда известный богемный журналист Михаил Брыльский влачит жалкое существование, перебиваясь случайными заказами, пока волею судеб не получает доступ к источнику великой Силы. Однако у всего есть своя цена, а когда имеешь дело с акционерами всего сущего, то невыплата дивидендов может быть фатальна.

Дамиан Зорг

Паноптикум Z

Пролог

Эпизод №844/1.

Сезон №5300.

Штамп: «одобрено для публичного показа».

Данавак заметил засохшее дерево и зычным возгласом позвал двоих соплеменников. Вытащив из-под меховых накидок топоры с каменными лезвиями и нанеся несколько умелых ударов по стволу, они повалили дерево на землю, покрытую толстым слоем снега. Затем мужчины порубили ствол и ветви, и стали аккуратно складывать их на утоптанной поляне, готовясь развести костёр.

Не прошло и четверти часа как пламя разгорелось, и трое индейцев уселись вокруг, грея задубевшие ступни. Андаканэл вытянул из кожаного мешка трёх жирных лососей. Одного он насадил на копьё, остальных перекинул друзьям. Те последовали его примеру, нанизав рыбин на свои копья и поднеся их к огню. В ожидании обеда отогревшиеся охотники закурили трубки. Посмеиваясь, они по очереди стали делиться забавными случаями, происходившими с ними на охоте. Последним слово взял Йэлгок – средний сын вождя

племени. В отличие от своих закадычных друзей, с которыми они были неразлучны с младенчества, тот решил рассказать историю поучительную, а не смешную.

В ней говорилось о шамане, с младых лет умевшим повелевать природными стихиями. Деревья гнулись, повинувшись его взгляду. Трава росла прямо на глазах, стоило ему произнести заклинание. Реки текли вспять, следуя взмаху его руки. Племя его процветало, ведь благодаря шаману рыба в их водах нерестилась несколько раз в год, а звери словно сами подставлялись под стрелы охотников. Могущество и власть шамана росли, и в скором времени он объявил себя божеством. Все, кто отказывался повелеваться, безжалостно уничтожались им. И стал он владыкой земель от моря до гор.

Но однажды на рассвете на холм, неподалёку от его деревни, опустилась огромная деревянная птица. Всё её гигантское тело было усыпано ярко поблёскивающими огоньками, свет от которых скользил по всему лесу. Шаман отправил на холм небольшой отряд разведчиков. Какого же было его удивление, когда все они вернулись с ослепшими глазами. Вне себя от ярости он собрал всех своих многочисленных воинов и устремился на холм. Завидя издали деревянную птицу, он воззвал к силам стихий и обрушил на неё всё своё могущество. Однако ни огромные валуны, слетавшие со скал, ни ураганный ветер, ни огонь, ни вода не нанесли птице ни малейшего урона.

Потерявший от гнева рассудок шаман решил, что стихии

предали его и решил их проучить. Для начала он разжѐг пламя невиданной силы и, направив его на лес, сжѐг дотла все растения и животных. Затем он поднял исполинскую волну из океана и обрушил её на огонь, не оставив ни искорки. Но и этого ему показалось мало и, призвав ветер, он сдул с лица земли всю вылитую воду до капли. Когда же пред ним осталась мѐртвая земля, он решил отомстить и ей, обрушив на неё небеса. Однако шаман забыл, что сам стоял на той самой земле. Рухнув всей своей тяжестью, небо раздавило не только деревянную птицу, но и его самого вместе со всем племенем.

Через многие сотни лет в те плодородные когда-то земли забрѐл одинокий охотник. Всѐ, что он обнаружил там – лишь знак, отколовшийся от деревянной птицы.

Поражѐнные рассказом Данавак и Андаканѐл с напряжением уставились на Йѐлгока. Тот, смахнув с копья закоптившегося лосося, стал чертить что-то на снегу. Когда он отвѐл руку, взорам друзей предстал тот самый знак – свернувшаяся клубком змея, кусающая себя за хвост.

Часть I

Глава 1

*У меня зазвонил телефон.
– Кто говорит?*

– Он!

К. Чуковский (неизданное)

Как всегда и бывает в таких случаях, это субботнее утро не предвещало ничего необычного. Лёжа в постели, Миша внимательно разглядывал след от впечатанного в потолок комара. Кровавое пятно появилось уже довольно давно, успело забуреть и стать таким же привычным элементом его утра, как и будильник. Только будильник играл свою роль по будням, а след не долгой, но, судя по размерам пятна, сытой комариной жизни – по выходным. Миша лениво размышлял о том, что надо бы стереть пятнышко, непорядок всё-таки. При этом понимал, что мысль эта сродни медитации. Ни черта он стирать не собирался, просто размышление об этом «важном деле» помогало ему свыкнуться с неумолимой реальностью нового дня.

Близился полдень. Робкое мартовское солнце пробивалось сквозь неплотно задёрнутые шторы. Молодой человек встал и широко распахнул форточку. Глубоко вдохнув прохладного воздуха, он с тоской оглядел серые окрестности самого обычного московского двора, зажатого многоэтажками, и твердо пообещал себе в следующей жизни стать главным градостроителем, чтобы запретить серый цвет раз и навсегда. Эта мысль неожиданно развеселила его, и он бодрым шагом направился в кухню за чашкой утреннего кофе.

Несмотря на то, что в субботу не нужно было никуда

ехать, день совсем не обещал быть выходным. Конечно, об этом лучше было бы вспомнить вчера в два часа ночи, когда Миша с упоением вытягивал в караоке «земля-я-я в иллю-ю-ю-ю-ю-ми-на-торе-е-е-е», но такие минуты отчаянного счастья для того и существуют, чтобы не думать о завтрашнем дне. Железный обруч, сдавивший голову, сильно осложнял задачу по предстоящей подготовке материала. «Ничего, ничего, сейчас выпью кофе и все пойдет как по маслу. Не впервой, мастерство не пропьешь!». Мысль о мастерстве почему-то расстроила Мишу. Он криво ухмыльнулся и присел на деревянный стул. Хлебнув крепкого кофе из чашки с принтом перечеркнутого листа конопли и надписью «no smoking», он задумался об этом самом мастерстве.

Кажется, вот только вчера это было. Выпускной журфака, главный талант курса, несколько предложений от весьма популярных изданий, счастливые родители, веселые друзья, красивые подруги. Ну просто всё, о чем он мог мечтать, когда приехал в столицу из старинного, но глубоко провинциального города. В статусе «подающего ба-а-а-льшие надежды молодого журналиста», как представил его главный редактор Евгений Наумович коллективу модного lifestyle-журнала, он вступил в гостеприимно распахнутые перед ним ворота медиа-пространства страны. И жизнь его устремилась по своему руслу со скоростью молодой и дерзкой горной речушки, которая мнит себя центром Вселенной и не ведаёт ещё, что весь смысл её существования заключается в том, чтобы

влиться в ближайшее море.

Нет, Михаил Брыльский не желал быть притоком, какого бы то ни было моря и даже океана. Его целью был захват мира и никак иначе. Но сколько же соблазнов на пути к славе у модного московского журналиста. Брыльский очень любил жизнь. Не какую-то абстрактную жизнь, а совершенно конкретную. Свою жизнь. Он щедро делился с миром своим действительно незаурядным талантом и не менее щедро тратил награды, получаемые взамен. Благодаря природному обаянию, веселому нраву и острому уму, он был желанным гостем в любой компании. Само собой, вниманием женского пола он также не был обделен, но сфокусироваться на ком-то из многочисленных возлюбленных у Миши никак не получалось. Сначала его это беспокоило, потом он привык, а еще некоторое время спустя его популярность пошла на спад. Да и вообще стало как-то не до того.

На взлёте он еще перешёл из «глянца» в респектабельную общественно-политическую газету, где первые пару лет был на очень хорошем счету. Главный редактор и владелец издательства Георгий Занин, один из отцов-основателей новой российской журналистики, восхищался умением молодого репортёра взять любую тему и подать её миру под таким соусом, что не проглотить эту пасту было решительно невозможно. Брыльский, как опытный рыбак, умел подобрать единственно верную наживку, на которую читатель наслаживался с таким же энтузиазмом и наслаждением, как го-

лодная щука на крючок с жирным червём.

Георгий Андреевич с поистине сладострастным удовольствием зачитывал тексты Брыльского на планёрках, ставя его в пример более опытным коллегам, что, как ни странно, их совсем не обижало. Мишу любили все, даже конкуренты по перу. А Занин так и вовсе души не чаял. Поговаривали, что на таких нашумевших опусах своего любимца, как «Российская коррупция – нож в сердце американского империализма», «Благотворители или благоприобретатели?», «Губерния наносит ответный удар» и «Сдай френдА, а то мандА», он заработал свои давно заслуженные сотки в журналистском посёлке на озере Комо. Эти бесстыдные инсинуации Георгий Андреевич отрицал с праведным гневом, объясняя свои частые отлучки в Италию необходимостью навещать местных пожилых родственников супруги, у которых имелся скромный дачный домик в окрестностях озера.

Однако период расцвета Брыльского длился недолго. Его активная светская жизнь практически не оставляла времени для работы. По редакции всё чаще разносился раскати-стый бас Занина, когда он, великодержавно матерясь, распекал Брыльского за очередной не сданный к сроку материал, а то и вовсе написанный не по теме текст. Последней каплей стала опубликованная в субботнем номере по недосмотру его зама Мишина статья «Как у Христа за пазухой – новая доктрина православия». Поговаривали, что Георгий Андреевич, будучи срочно вызванным с Апеннин на ковёр к ку-

раторам партии по религиозной части, был чуть не предан анафеме и, дабы не быть отвергнутым окончательно от лона церкви, перевел свои итальянские владения на баланс зарубежной общины. Естественно, Занин отрицал и эти грязные слухи, но в Италию ездить перестал, сильно похудел и даже развёлся с женой на всякий случай.

Следующие пять лет жизни Брыльского пролетели как мгновение. Глянец, другой глянец, желтая газетёнка и (о, ужас!) женский журнал, где ему было поручено вести колонку «Мужские секреты» и отвечать на вопросы читательниц, раскрывая им тайны мужской психологии, а иной раз и физиологии. Такого падения не могла выдержать даже беспечная душа Брыльского. Миша запил. Жадно и с остервенением, как только и может русский интеллигент. Это уже был не тот благородный столичный кутёж, настоящий на элитном виски и припорошенный качественным кокаином, а вполне заурядный запой. В редкие же промежутки трезвости Брыльский перебивался случайной халтурой от новомодных сайтов, молодые главреды которых еще несколько лет тому назад бегали за кофе для самого популярного в тусовке журналиста. «Да уж, пока кто-то обильно подавал надежды на стол, другие эти надежды успели сожрать», – думал Миша, вспоминая те времена.

Длился этот мрачный период примерно полгода, пока однажды Брыльский не обнаружил себя в двухкомнатной квартирке в типовой девятиэтажке на окраине Москве. Куда все

подевалось? Где стильная студия в элитном доме на Садовом? Где «Ягуар»? Где друзья и подруги? Где вообще всё? Как можно было за пять лет так рухнуть с вершины пищевой цепи почти что на самое дно? Вот же буквально вчера еще он вещает на закрытой вечеринке в пентхаусе «Башни Империя», и вся светская элита столицы смотрит ему в рот с глазами полными обожания. Особенно вон та тёлочка у барной стойки, кажется пиарщица из какого-то банковского фонда с ногами, которым позавидовала бы топ-модель.

После увольнения из дамского журнала за систематические прогулы Мише помог устроиться на работу Борька, с которым он работал у Занина, – последний осколок счастливых времен. Борис Борисович Кахидзе ныне слыл одним из главных киноведев России и работал заместителем главного редактора в топовом журнале, освещающем культурную жизнь страны. Он, конечно, досконально разобрался и в современном кино, но главной его страстью оставался советский кинематограф 60-80-х годов. Так называемое «золото Мосфильма» он изучил до молекул. Интерес у него был, с одной стороны, научным, чему свидетельство несколько довольно глубоких исследований о том весьма плодovitом периоде в истории нашего кино. А с другой стороны, абсолютно обывательским и даже каким-то детским. Боря по-настоящему любил все эти фильмы. Причем он одинаково искренне восторгался как комедиями Гайдая или Рязанова, так и драмами Тарковского и Германа. А Данелию так и вовсе про-

возгласил лучшим режиссером, когда-либо жившим на планете Земле. Из-за этого увлечения речь Борис Борисыча была наполнена афоризмами из самых разных советских фильмов, что очень забавляло малознакомых людей и порядочно раздражало тех, кто знал его долгие годы.

Происходил Борис из древней грузинской дворянской фамилии, которая давно осела в Москве и полностью обрусела, сохранив при этом благородные манеры и исключительную интеллигентность. Отец Бори был довольно известным и почитаемым в музыкальных кругах виолончелистом, мать до сих пор преподавала немецкий в институте иностранных языков. С Мишей они сошлись в командировке на Каннский кинофестиваль, куда Занин отправил Брыльского в качестве поощрения за очередной блестяще исполненный заказ.

Если Миша был звездой редакции, то статус Бори был сродни ботану в средней школе. Слегка лысоватый, слегка полноватый, в старомодных очках с толстой роговой оправой, с застенчивым характером, да еще и числящийся в отделе культурной жизни, которой в газете посвящалась всего-то половина последней страницы. Кто бы мог подумать, что через несколько лет он станет одним из самых уважаемых кинокритиков страны, чье мнение будет оказывать существенное влияние на кассовые сборы того или иного фильма.

Все эти годы дружба их носила несколько иррациональный характер. Вместе они практически не тусовались. Борис как огня боялся наркотиков, а алкоголь употреблял весьма

умеренно из-за стремящегося перейти в язву гастрита. Женщины его тоже особо не интересовали, так как женился он еще в двадцать два года на своей однокурснице из института культуры Алле Герус, за которой преданно ухаживал все пять лет учёбы. Алла подряд родила ему троих детей, тем самым навсегда привязав Борюсика к себе. Супругу Борис очень любил, но при этом побаивался. Куда там тусоваться с таким конченным подкаблучником. Однако несмотря на то, что на первый взгляд ничего общего у них быть не могло, друзей все равно тянуло друг к другу. Их дружба могла бы служить ярким подтверждением тезиса о единстве противоположностей. Они могли не созваниваться и не видеться по полгода, но точно знали, что в случае надобности всегда могут рассчитывать на взаимную помощь.

Узнав о плачевном положении своего товарища, Борис уговорил начальство взять Мишу в редакцию «Синема». Ему поручили вести свою колонку в разделе «Светская жизнь», но при строжайшем условии, что ничего крепче бокала вина он себе позволять отныне не будет. И вот уже восемь месяцев Брыльский почти добросовестно исполнял это условие. Посещал премьеры, презентации и премии в различных областях культуры, после чего писал скучные отчеты о прошедших мероприятиях. Иногда по старой памяти Мише даже удавалось подцепить какую-нибудь молодую актрису на региональном смотре талантов, что придавало хоть немного ярких красок его жизни.

Брыльский глотнул ещё кофе, который успел уже остыть, пока он сидел в тяжелых раздумьях. Зазвонил телефон. Он вздрогнул от неожиданно громкого и резкого звука. Быстро дойдя из кухни до комнаты, Брыльский схватил выданный в редакции предпоследний айфон.

– Алло. Алло. Я вас не слышу. Алло!

В трубке была тишина. Миша озадаченно уставился на экран. На нём светился интерфейс с иконками приложений. Входящего звонка не было. Но телефон-то звонил! Причём громко и требовательно.

– Так это же домашний! – воскликнул Брыльский и растерянно оглянулся. Он уже и вспомнить не мог, когда в последний раз разговаривал по стационарному телефону. Даже забыл о его существовании. Спроси кто-то, как он выглядит и какой он марки, Миша ни за что бы не ответил. Он вдруг вспомнил, с какой гордостью отец распаковывал первый купленный радиотелефон «Панасоник», и как радостно мама звонила соседке и махала ей с балкона, демонстрируя удивительную свободу передвижений, которую дарило это чудо техники.

Телефон продолжал звонить. «Наверняка реклама какая-то» – подумал Брыльский, решив не обращать внимания на электронные трели. Но любопытство быстро взяло верх, и он бросился искать трубку. Но где она может быть? Базу, покрытую внушительным слоем пыли, он обнаружил на подоконнике. Трубки не было ни на столе, ни на тумбе, ни на

полках шкафа. Звук шел откуда-то из области дивана, но и под подушками телефона не оказалось. Звонивший не сдавался, телефон все еще настойчиво трезвонил. Молодой человек раздвинул диван, звук стал громче. Он начал судорожно рыться в нижнем ящике дивана. К тому моменту его охватило сильное беспокойство. Он вдруг решил, что это должно быть *очень* важный звонок, и чуть не вскрикнул от радости, когда рука нащупала трубку.

– Алло, алло! Слушаю вас! – крикнул Брыльский в трубку запыхавшимся голосом.

– Чё аллэ, блин? Сколько мне ждать? Ты что думаешь, мне больше заняться нечем, чем ждать пока ты трубу отроешь из-под дивана? – прозвучал резкий, каркающий голос.

Миша опешил. Он даже не задумался, откуда звонивший мог знать о том, что он искал телефон под диваном. Его поразили сам голос. Враждебный, требовательный, хриплый и в то же время очень звонкий. Наверное, именно так разговаривали бы вороны, если бы бог, пребывая в особенно благодушном настроении, наделил их даром речи.

– Что, простите? – пролепетал он в ответ.

– Что слышал, мудила. Тороплюсь я вот что, – каркнул голос.

Тут Брыльский, наконец, взял себя в руки и рассердился.

– Что вы себе позволяете?! Вы кому звоните? Номером не ошиблись?

– Тебе, Михей, тебе. У нас ошибок не бывает, кхе-кхе.

Брыльский почувствовал холодок, пробежавший по спине. Михай? Откуда он знает? Да кто это вообще?

– Знаю, знаю, я всё знаю. Даже и не сомневайся. Возраст – 34 года. Рост 181 см, вес 82 кг, шатен, глаза зеленые. Отец – заведующий лабораторией в НИИ сельского хозяйства, наполовину поляк, наполовину русский. Мать – бухгалтер, наполовину русская, наполовину татарка. Братья и сёстры не обнаружены. Родился в Пскове. В семнадцать лет переехал в Москву, поступил и окончил с красным дипломом факультет журналистики МГУ, – отчеканил незнакомец.

– Та-а-а-к. Ну и что вам от меня нужно? Бред какой-то.

– Вот и я говорю, что бред! А *они* всё свяжись, да свяжись. А тут приходится ждать ещё, пока этот баран трубку отыщет.

– Ну всё, хватит! – вскипел Брыльский. – Сам ты, баран и мудила! У меня, кстати, определитель номера стоит, так что ты там не очень-то резвись, под статью о телефонном терроризме загремишь.

– Ха-ха-ха! – смех был настолько отвратительным, что Брыльскому захотелось кинуть трубку в окно, лишь бы не слышать его больше.

– Только попробуй! Кинуть он, понимаешь, собрался, – строго проговорил звонивший.

Тут Миша совсем растерялся. Он готов был поклясться, что не произносил вслух ни слова о своем намерении завершить разговор столь варварским образом. Он осел прямо в открытый ящик дивана и хмыкнул в трубку.

– Во-о-о-т, то-то и оно, – сказал незнакомец покровительственно. – А теперь слушай, Михей. Вопрос у меня к тебе.

– Какой? – прошептал молодой человек пересохшими губами.

– Долго еще прикажешь нам ждать? Время-то идёт, а ты ни хера не делаешь. Это как вообще понимать, а?

– Простите, я ничего не понимаю. О чем вы говорите? Вы про текст об адюльтере Караваева и Изотовой? Вы из «Слухи.ком»? Так ведь мы же договорились с Анной Ивановной, что статья будет в воскресенье, а сегодня еще суббота. Вот работаю...

– Нет, ну ты точно баран. Запомни Михей, эти твои кобелиные хроники заслуженных артистов мне совершенно неинтересны. Меня больше заботит, что ты тратишь ресурс на такие вот статейки.

– А что мне остается делать? Кто ж в наше время от халтуры отказывается?

– Ну вот, и этот туда же. Один хрен моржовый в православие вон ударился, собирателем земель себя возомнил, блин. Второй в правозащитники подался, да еще и в эмиграции. Сидит где-то в Альпах, носа на улицу высунуть боится. А третий алкашём-интеллигентом заделался. Халтуркой перебивается, да актрисок потрахивает, козлина. А у нас ведь больше и нет никого! Ни-ко-го, понимаешь ты это?! – вскричал звонивший с досадой.

Брыльскому вдруг сделалось очень грустно. Мысль о том,

что ему звонит сумасшедший, сменилась предчувствием неминуемой катастрофы. Он явственно почувствовал, что незнакомец действительно крайне расстроен, а, главное, что причина его расстройства – это именно он. И в негодовании этом чувствовалась неприкрытая и вполне реальная угроза. Но, черт возьми, что же он такого мог натворить?! Сглотнув слюну, он с трудом проговорил:

– И что же теперь делать?

– А я тебе скажу, что делать, мать твою. Ты, давай там, с мыслями соберись, и начинай действовать. Три дня даю, не начнешь сам – заставим. И не смей больше тратить время на статейки эти гадкие. Изотов у него там с Караваевой шпилятся, понимаешь ли. Всё, пока.

– Как пока? Подождите! А что делать-то? Как действовать? Алло! Алло! Я же не понял ничего! – крикнул Миша в отчаянии.

Но в телефоне уже была глухая тишина. Брыльский уставился на трубку с туповатым выражением лица. Номер, конечно же, не определился. В голове было пусто. Просто удивительно. Ни единой захудалой мыслишки. «Не начнешь сам – заставим». Что начнешь? Как заставим? С какой стати вообще?

Наконец, Миша встал, прошёл в кухню, достал из холодильника початую бутылку водки, к которой не притрагивался с момента начала работы в «Синема», и выпил прямо из горла добрых полтора грамма. Выдохнув, он мучительно

поморщился. И как он этой отравой каждый день заливался? Закусив яблоком, Брыльский присел за стол. Приятное тепло растеклось по его пустому желудку. «Даже позавтракать не успел, блин» – с досадой подумал он. Но все же водка помогла. Голова понемножку начала соображать.

«Ну и что это было? Согласен, он очень многое обо мне знает. Но ведь если хорошенько порыться в интернете, можно же накопать всю эту информацию. Можно. Точно можно. А как насчет имени? Откуда он узнал, что я Михей? Об этом мало кто знает. В паспорте с самого начала было Михаил. Хорошо, родители все-таки оказались людьми вменяемыми и через четырнадцать лет признали свою ошибку. Ну ладно, при желании можно и копию свидетельства о рождении найти или с родственниками какими-то поговорить. А может он к моим заезжал? Или вовсе из Пскова? Да, но как он мысли-то мои угадывал?! Про трубку в диване, про то, что в окно ее хотел запульнуть. Экстрасенс?».

И тут снова зазвонил телефон. Брыльский схватил трубку, которую взял с собой в кухню, но там была тишина. На этот раз звонил мобильный. «Надо сменить рингтон. Ну ее к чёрту эту тягу к ретро» – пронеслась мстительная мысль.

Глава 2

*Не подумайте, что я не люблю гостей...
я люблю гостей, как и всякий хоббит,*

но я предпочитаю знакомиться с ними прежде, чем они пришли!

Б.Бэггинс

Миша взглянул на экран мобильного и вздохнул с облегчением. На этот раз звонил Боря.

– Доброе утро, Брыльский!

Борис любил называть его по фамилии. Собственно, то, что Миша был однофамильцем иконы советского кино, ежегодно задающей матери Лукашина и всему честному народу свой устремлённый в вечность вопрос, сыграло немалую роль в дружеской привязанности к нему Бориса. Тому виделся в этом мистический знак судьбы, что очень забавляло Брыльского.

– Здравствуйте, князь, – тихим голосом ответил Миша, в свою очередь любивший хохмить над дворянским происхождением товарища.

– Ну и что мы такие грустные? Похмелье, да? Я ведь знаю о твоих вчерашних похождениях. Могу даже весь твой репертуар перечислить. Широкий у тебя диапазон, однако. Думаю, грамм триста виски? Или еще и пивом залакировал? Ну как тебе не стыдно, Миш? Опять по новой? А ведь мы с тобой договаривались, ты мне обещал, – в голосе Бориса слышалась искренняя обеспокоенность судьбой друга.

«Наверное, вышел с собакой погулять» – подумал Брыльский. Надо сказать, что Бориному лабрадору очень повез-

ло. Единственная возможность для Бориса спокойно поговорить по телефону, не будучи под колпаком у Аллы Абрамовны, была выйти на прогулку с собакой. Поэтому гуляли они с Локки часто и долго, что очень радовало пса и удивляло соседей.

– Да ну, перестань. Увлёкся слегка, с кем не бывает. С утра уже в строю, почти закончил статью для Анны Ивановны.

– Опять на желтуху потянуло? Ты неисправим, – добродушно рассмеялся Боря. То, что друг был занят работой, а не лежал в похмельной депрессии, заметно подняло ему настроение. – Ну а что голос-то такой серьёзный?

– Мне тут звонили... – нерешительно начал Брыльский. – Звонок был на домашний номер. Я еще удивился. Думаю, наверное, реклама или из ЖЭКа. Ну кто еще может звонить на домашний? А оказалось...

И Миша пересказал Борису свой странный диалог с незнакомцем. Получилось это у него довольно сбивчиво. Он сам понимал, что несёт какую-то чушь. И к концу рассказа чувство беспокойства стало отпускать его. Брыльский даже рассмеялся, вспомнив, как сильно напугал его этот звонок. Но Боря почему-то не смеялся в ответ.

– Номер не определился? – спросил серьёзным голосом Кахидзе.

– Нет.

– Если ты верно передал интонации звонившего, чувствуется стилистика спецслужб. Но зачем ты им понадобился? –

проговорил он задумчиво.

– Не знаю.

– Будь это лет пять тому назад, я бы еще понял. Вспомни, ты точно не брал в последнее время каких-нибудь политических или криминальных заказов?

– Да нет, конечно! Ты же сам всё прекрасно знаешь. Моя специализация теперь – кобелиные хроники, как весьма точно обозначил мой таинственный поклонник. И знаешь, что я думаю? Мне кажется, что это именно что поклонник! Чокнутый придурок, который решил подшутить надо мной. Этим можно объяснить его исключительную осведомленность о моей биографии.

– Объяснить можно, но так ли это? Не хотел бы травмировать твоё эго, дорогой друг, но неужели ты всерьёз считаешь, что в 2019-м кто-то году помнит Михаила Брыльского?

– Выходит, что помнит, – огрызнулся Миша.

– Ну не сердись, не сердись. Может быть ты и прав. Голова предмет тёмный и исследованию не подлежит, – миролюбиво изрёк Борис. – Чем займешься на выходных? Может, к нам заедешь? Алла Абрамовна обещала испечь свой фирменный белый торт.

– Может и заеду. Не знаю пока, надо все-таки статью закончить. Давай вечером созвонимся.

– Договорились. Локки! Локки, ты что, не видишь, что машина едет?! Извини, вечно этот чёртов пёс под машины прыгает. Ну, пока, старина.

– Пока.

Разговор успокоил Брыльского. За это он и ценил Борю. Общение с ним всегда успокаивало и возвращало его на твёрдую землю. Теперь завтрак и за работу. Миша почувствовал неожиданный прилив сил и желание творить. Возможно, причиной тому была водка, на определенной стадии придающая известную степень дерзости и активности своему реципиенту. Но думать об этом не хотелось. Он поставил сковородку на конфорку, подлил масла и взял пару яиц из холодильника. Пока жарилась яичница, он заварил чай – черный, крепкий, горячий, чтобы уж наверняка разделаться с водочным привкусом и забыть кошмар этого утра.

Густо намазав масло на хлеб, Брыльский с большим аппетитом принялся завтракать, параллельно просматривая на смартфоне фейсбучную ленту новостей. Тут всё было стандартно. Если и есть в мире уголок стабильности, то это новости в социальных сетях. Кто-то путешествует, кто-то хвастается профессиональными успехами, кого-то взбесило выступление очередного чиновника, а кое-кто удачно заселфил пятую точку в профиль и как бы невзначай выставил фотографию в сопровождении текста, претендующего по значимости на раскрытие формулы философского камня. В общем, сплошные лайфхаки и инсайты вперемежку с котятками.

Мысли Брыльского были где-то далеко. Он вдруг вспомнил Занина и те благословенные времена, когда через бумажную газету можно было вертеть общественным мнением,

как заблагодарассудится. Прошло меньше десятка лет, а как всё изменилось. «Эх, эти бы возможности, да нам тогда!» – подумал он мечтательно. Как там интересно, Георгий Андреевич поживает? Последнее, что он о нём слышал, это что-то про банкротство и закрытие издательства. Он взял телефон и загуглил «Занин Георгий Андреевич».

Первая ссылка гласила: «Известный российский медиамагнат объявлен в розыск».

Вторая – «Георгий Занин замешан в коррупционном скандале с губернатором N-ской области».

Третья – «Интернет-проект Г.Занина провалился».

И далее всё в таком духе. Только в конце второй страницы поиска обнаружилось что-то интересное.

«Одиозный российский издатель Г.Занин был замечен в компании бывшего олигарха М. в Гштааде». Кликнув на заголовок можно было увидеть не очень чёткую фотографию мужчин в интерьере традиционного альпийского рестораничка. Среди них действительно был сильно постаревший и осунувшийся Занин. Миша вздрогнул. Он уже слышал сегодня что-то про Альпы.

Не успел он подумать об этом, как почувствовал какой-то горелый запах. Он инстинктивно повернулся в сторону плиты, но нет. Плита была выключена, а сковородка уже остыла. Принюхавшись, Брыльский понял, что пахнет табаком. Сам он никогда не курил, и терпеть не мог табачного дыма, но этот запах был довольно приятный. Так может пахнуть толь-

ко благородный, коллекционный табак. И шёл этот аромат из гостиной.

Брыльский вскочил и буквально вбежал в комнату. То, что он увидел, было просто непостижимо! Лишь только те самые сто пятьдесят граммов водки не позволили ему грохнуться в обморок сию же секунду. В массивном кресле возле разобранного дивана важно восседал солидно одетый крокодил. Самый натуральный крокодил! В черных идеально отглаженных брюках, в стильном слегка удлиненном бордовом пиджаке, ослепительно белой сорочке и элегантной черной бабочке. На голове у него была небольшая кожаная шляпа, а на ногах дорожные ботинки из крокодиловой кожи. Последний факт поразил Мишу больше всего, и он тупо уставился на обувь нежданного гостя. В зубах у посетителя была зажата великолепная трубка из слоновьей кости. Крокодил пыхнул трубкой, и в этот момент молодой человек услышал тихую мелодию, доносившуюся вроде бы из соседской квартиры.

«Голубой вагон бежит, качается,

Скорый поезд набирает ход...»

«Ах, ты! Да это же...» – пронеслось в голове Брыльского, прежде чем он всё-таки рухнул без сознания с застывшей на лице улыбкой.

Глава 3

Эпизод №621/3.

Сезон №5909.

Штамп: «не для публичного показа».

Александр проснулся незадолго до первых лучей солнца. Что-то сильно тревожило его душу. Кликнув слугу, он отправил его за Аристандром. Выйдя из шатра, он глубоко вдохнул свежего воздуха, немного остывшего за ночь. Охранявшие его шатёр воины почтительно склонили головы, увидев царя, но Александр этого не заметил. Пристальный взор его был устремлен в мерцающие от множества звёзд небеса. Со стороны могло показаться, что царь просто любуется завораживающим небесным узором, будто сотканным из бережно подобранных алмазов. Но особенно внимательный наблюдатель мог бы заметить, что лицо Александра Великого напряжено, брови сдвинуты, а губы словно шепчут беззвучные проклятья.

Наконец, появился Аристандр. Пожилой уже прорицатель торопливо семенил за слугой, придерживая полы хламиды, дабы не споткнуться на каменистой земле. Борода и седые кудри его были всклокочены. Видимо, Аристандр знал, что дело не терпит отлагательств, и пренебрёг необходимостью привести себя в порядок, прежде чем явиться пред царём.

Молча кивнув, движением руки Александр пригласил его войти в шатёр. Ясновидящий и тут проявил исключительную торопливость, даже не удосужившись поклониться, чем привлёк изумлённый взгляд запыхавшегося слуги. Александру

не терпелось уже оказаться наедине, и он чуть ли не затолкал в шатёр споткнувшегося при входе прорицателя.

Они прошли вглубь шатра и уселись на ковре друг напротив друг. Некоторое время оба молчали. Александр смотрел выжидающе и довольно злобно, взгляд Аристандра же выражал полное умиротворение. Наконец, царь прервал тишину:

– Ты связался с *ними*?

– Да, мой повелитель, – почтительно склонил голову прорицатель.

– Что же они ответили?

– Нет.

– Нет? Вот так вот «нет» и всё?

– Сожалею, повелитель, – потупил взор Аристандр.

Александр молча уставился на него. На лице его отражались нечеловеческие муки, зубы были крепко сжаты, а глаза горели поистине дьявольским огнём. Зайди в этот момент слуга, ему, пожалуй, не пришлось бы даже факел зажигать, чтобы осветить пространство.

– Значит, ничего не поделаешь, – тяжело вздохнул царь.

– Александр, ну посмотри на это с другой стороны, – неожиданно на равных заговорил Аристандр. – Да, это будет невиданная сеча. Да, прольются океаны крови. И да, в том числе и эллинской крови. Но эта цена. Всё имеет свою цену и кому как не тебе это знать. И ты прекрасно понимаешь, зачем это нам нужно. Или ты не согласен с *нашими* целями?

Вопрос прозвучал не то чтобы оскорбительно, но несколь-

ко пренебрежительно и даже насмешливо. Глаза Александра гневно блеснули, но он только молча кивнул.

– Мы же это уже обсуждали, – голос ясновидящего стал мягче. – Мы гарантируем, что этот поход войдет в историю как одно из величайших достижений эллинской цивилизации. А твоё имя и вовсе станет бессмертным! Помни об этом, повелитель. Не об этом ли ты мечтал с того самого дня как унаследовал трон?

– Нет, Аристандр, не об этом, – спокойно ответил царь. – Я мечтал о том, чтобы сделать Македонию центром эллинского мира, и цель эта достигнута. Ты же предлагаешь мне утопить в крови полмира. А главное, продолжив этот поход, я вряд ли когда-нибудь вернусь в родные края. И это разрывает моё сердце на части.

– Да, именно так! – нетерпеливо ответил прорицатель. – Как видишь, я честен с тобой, повелитель, и не обещаю того, что не случится. Я не могу предсказать, какие подвиги ждут тебя впереди. И не в состоянии провидеть, какой путь придётся тебе пройти до смертного часа. Однако же в моей власти устроить всё так, что смерть твоя будет реальна лишь тут.

– Это я уже слышал. Только что я буду делать *там*?

– Всё что тебе будет угодно, о, великий царь! – с жаром зашептал Аристандр. – Ты даже не представляешь, какие возможности откроются пред тобой! Но это надо видеть, это надо чувствовать.

– Но, почему я?! Почему именно я?

– Потому что так суждено. Потому что ещё до твоего рождения на тебе была печать льва. И потому что в тебе есть Сила, которой нет ни у кого, и не будет ещё много веков. Но она тебе была дана неслучайно. И долг должен быть оплачен.

Произнеся это, Аристандр плотно сжал губы и строго посмотрел на царя. Александр не отвёл глаз, но и отвечать не стал. Прорицатель встал, деловито расправил свои одежды и, отвесив подчёркнуто глубокий поклон, быстрым шагом покинул царские покои.

Начинало светать. В лагере уже вовсю шла подготовка к построению. Тут и там раздавались зычные голоса хилиархов, командующих сборами. Прошло ещё немного времени и подбадривающие возгласы воинов, звон мечей и стук лошадиных копыт заполнили всё пространство лагеря. Улыбка впервые за это утро тронула уста Александра. Он очень любил эту шумную суету перед боем. В ней было столько жизненной энергии! Казалось, все природные стихии тоже старались поскорее привести себя в порядок и встать в строй, готовые крушить всё на своем пути. Ветер становился крепче, вода в ручье ускорялась, огонь в костре полыхал ярче, а земля будто расчищала место, на которое неизбежно прольётся кровь. Столь мощная жажда жизни исходит только от тех, кто обречён на скорую смерть.

Вызвав слуг, Александр быстро переоделся и вышел из шатра. Буцефал уже был снаряжён и нетерпеливо бил копытом в ожидании хозяина, с которым судьба связала их на-

веки. В сопровождении личной охраны под предводительством одного из своих ближайших друзей Клита Чёрного, с которым они были неразлучны с детства, царь поскакал галопом вниз по холму.

Его могучая армия была уже в полной боеготовности. Тридцать две тысячи пехотинцев и четыре с половиной тысячи всадников были выстроены на залитой солнцем поляне в строгом соответствии с планом. Александр вихрем пронёсся по фронтальной линии строя, приветствуя первый ряд воинов касанием их копий своим мечом. Речь его была довольно краткой, но в ней уместилось всё то, что должен услышать мужчина, перед тем как идти на верную смерть. Тут было и его личное воспоминание о родной Македонии, живо откликнувшееся в сердце каждого воина образами их далеких домов, и призыв нести в сердце память о своих матерях и возлюбленных, которым угрожает ненавистный враг, и напоминание об их отважных отцах и братьях, без сожаления отдавших свои жизни на поле битвы. Звериный рык, раздавшийся ему в ответ, был столь оглушителен, что наверняка дошел до персидской армады, застывшей в ожидании на другом берегу реки Граник.

Вслед выступившей в великий поход армии Александра Македонского с довольной улыбкой смотрел с холма его придворный маг Аристандр. Дело было сделано.

Было приятно познакомиться.

Пойду убью себя.

Футурама

Брыльский открыл глаза и часто заморгал. Пятно на потолке было на месте, следовательно, он был у себя в постели. Оглядевшись вокруг, он окончательно убедился в этом и слегка приподнялся на локтях. «Фу-у-ух, приснится же такое. Греки, персы, маги, Клит какой-то! И ведь даже не курил вчера», – подумал он, потрянув головой.

Настенные часы вели себя совершенно неприлично, показывая время двадцать минут четвертого. Брыльский сверился с часами на мобильнике, лежавшем в кармане, но там было то же самое. «Стоп, а почему он в кармане? Откуда вообще взялся карман? Я что в штанах заснул? Да не мог я вчера так надраться!».

Резко сдернув одеяло, он придирчиво оглядел себя. Джинсы, носки, футболка. Как пить дать, надрался. Миша застонал и упал обратно на подушку, накрывшись одеялом с головой. Открыв было рот, чтобы выкрикнуть полагающееся в такой момент ругательство, он вдруг застыл. С кухни послышался какой-то шум. Ему показалось, что нечто весьма аппетитное жарилось на сковороде. Догадка мгновенно подтвердилась, стоило только вдохнуть пряный аромат, безапелляционно наполняющий спальню.

И тут Брыльский вспомнил! У него же в гостиной сидел

крокодил! Самый солидный крокодил на всём белом свете! Стараясь производить как можно меньше шума, он выскользнул из-под одеяла и, крадучись, направился в сторону кухни. По пути он хищно оглядывался в поиске предметов, которые могли бы сгодиться в качестве оружия. Как назло, всё колюще-режущее в квартире находилось в кухне. Не найдя ничего более подходящего, чем длинный металлический рожок для обуви, висевший на крючке в прихожей, Миша на цыпочках подкрался к кухне и осторожно взглянул в приоткрытую дверь.

Картина, представшая перед его глазами, поражала даже больше того, что привиделось ему в гостиной. Возле плиты стоял тот самый крокодил и деловито жарил свиные стейки на косточке, купленные Брыльским вчера после работы. На обеденном столе стояла глубокая тарелка, наполненная умело нарезанным овощным салатом. Рядом были аккуратно расставлены сырная тарелка, хлебная корзина, два вида соусов к мясу, солонка, перечница, стеклянный кувшинчик с морсом и тёмно-зелёная бутылка с оливковым маслом.

К сервировке тарелок, бокалов и столовых приборов, не смог бы придраться метрдотель самого изысканного ресторана. Брыльский еле признал собственную посуду, столь непривычно она выглядела в таком антураже. Но главным украшением этого идиллического сюжета был, конечно же, автор сего великолепия. Теперь на крокодиле была роскошная поварская униформа. Она была сшита из ткани высочай-

шего качества и идеально сидела по не совсем стандартной фигуре своего владельца. На голове у него был высоченный накрахмаленный колпак, почти упирающийся в потолок, что было неудивительно, ведь ростом гость был явно выше двух метров. Слева на груди был вышит логотип – зеленый крокодилчик с загнутым хвостом и открытой пастью.

– Не знал, что они и униформу производят, – обратил на себя внимание «повара» Миша.

– А, Михей, заходи-заходи. Присаживайся. Ещё буквально пару минут и все будет готово. Прости, не успел немножко, – добродушным басом проговорил крокодил.

Голос у него оказался неожиданно приятным и абсолютно человеческим. «Нет, это не он мне звонил» – подумал Брыльский, вспомнив ужасный голос грубияна, звонившего утром. Он осторожно зашел в кухню и присел на ближайший к входу стул, продолжая сжимать в руке рожок. Мясо уютно шкварчало на сковороде, крокодил что-то напевал себе под нос, видимо предвкушая предстоящую трапезу. Миша понял, что он не рассматривается гостем в качестве основного блюда, и несколько осмелел.

– По всей видимости, я сошёл с ума, так? – сказал он с нажимом.

– Ну, почему же. Я бы так не сказал. Скорее даже совсем наоборот, – ответил, не поворачиваясь, крокодил.

– А как бы ты сказал? И как ты вообще разговариваешь? Насколько я слышал, голосовой аппарат крокодилов не при-

способлен к человеческой речи.

– Всё. Готово! – довольно пробасил гость и, развернувшись, положил на тарелку себе и Брыльскому по два внушительных стейка.

– Я столько не осилю, – буркнул тот.

– Ничего страшного, я доем, – хохотнув, ответил крокодил и сел за стол. – Нет, ты только понюхай какой фантастический запах! Просто невероятно! У нас такого всё-таки не бывает.

Шумно вдохнув действительно заманчивый аромат, издаваемый идеально прожаренным мясом, крокодил снял с головы колпак, взял в руки приборы и с неожиданной ловкостью разрезал стейк на две половины. Одна из половинок тут же отправилась ему в пасть. Зажмурившись от удовольствия, он немного посмаковал кусок во рту, прежде чем проглотить его целиком. Вторая часть была с костью, что не помешало ей в скором времени присоединиться к своей половинке в утробе зверя. Затем крокодил положил себе в тарелку салата и принялся с не меньшим удовольствием уминать и это блюдо, не забыв перед этим хорошенько его поперчить, посолить и заправить маслом.

На протяжении всего этого удивительного действия челюсть Миши постоянно норовила свалиться в тарелку, но все же каким-то чудом осталась на месте. Наконец, он все-таки решился прервать молчание:

– Извини, но ты не ответил на мой вопрос.

– М-м-м, ням-ням, какой вопрос? – принимаясь за второй стейк, ответил крокодил.

– Ну, хотя бы о том, каким образом ты со мной разговариваешь?

– А я с тобой и не разговариваю. Как ты правильно заметил, мой речевой аппарат не позволяет этого делать. Я просто передаю тебе свои мысли на понятном тебе языке.

– Следует полагать, что ты не только можешь передавать свои мысли, но и способен читать чужие?

– Совершенно верно.

– Прекрасно. Приплыли, называется. И ты еще утверждаешь, что я не слетел с катушек? Ха!

«Ну и ладно! Надо быть честным с собой. Всё давно к этому шло, так что ничего удивительного. Теперь можно и поест спокойно» – ободрённый этой мыслью Брыльский схватил стейк рукой, откусил чуть ли не половину и, тщательно пережёвывая, с вызовом уставился на крокодила.

– Ну, как? Вкусно? – с надеждой спросил* крокодил. *(*Глагол «спросил», как стало понятно выше, не совсем точно передаёт способ коммуникации гостя. Однако для удобства повествования я все же продолжу использовать слова, описывающие формы и интонации более привычного для нас вербального общения – прим. автора).*

– Ага, очень! – ответил Миша, нарочито обгладывая кость. – Вообще мне нравится такое сумасшествие. Кто-то женится, а кому-то крокодил обеды готовит. Особой разни-

цы не вижу, ведь в случае чего, можно быть смертельно укушенным и при том и при другом раскладе.

– Я рад, что ты не паникуешь. А то знаешь, случается такое, в истерике начинают биться, кричать, в окна выбрасываться. Ох, как неприятно это всё. И опять же хлопоты дополнительные возникают.

– Вот как! Хлопоты, говоришь? А что если я тебе сейчас вилку в глаз воткну? Добавится хлопот? – вспыхнул Брыльский.

– Хе-хе, а ты наглец, – крокодил доел второй стейк, аккуратно вытер морду салфеткой, подлил обоим морса из кувшина и, подняв свой бокал, произнёс. – Ну, ладно, Михей, будем знакомы. Я Бану Гарда. Как тебе понравился секретный эпизод «Паноптикума», который я тебе отправил, пока ты был без сознания?

Глава 5

Кажется, ситуация начинает проясняться...

Ёжик в кумаре

После некоторых раздумий Борис решил все-таки позвонить Мише. Прошедшие после их разговора три с лишним часа Борю не покидало смутное предчувствие беды. Что-то нехорошее было в этом телефонном звонке, о котором ему поведал товарищ. Как вот скажут «нехорошее место» или

«нехороший знак», и человек сразу вздрагивает, словно соприкоснувшись с чем-то запретным и очень опасным. Хотя спроси его, он толком и не объяснит о чём таком «нехорошем» идет речь.

Вернувшись с прогулки, Борис пообедал с семьёй и заперся в кабинете, сказав супруге, что ему необходимо срочно посмотреть для рецензии новый фильм одного очень перспективного итальянского режиссера, которого успели уже наречь «новым Висконти». В такие моменты Алла Абрамовна его не беспокоила и старалась отправиться куда-нибудь с детьми. На этот раз оказалось, что она давно не навещала любимую тётю.

Услышав звук хлопнувшей двери, Борис поставил фильм на паузу и с нетерпением схватил мобильный. Отыскав в телефонной книжке нужного абонента, он нажал набор номера и крепко прижал трубку к уху. Ответа пришлось ждать довольно долго.

– Алло, Алло! Пётр Максимович, добрый день!

– Добрый! – ответили ему хмуро.

– Это Борис Кахидзе. Помните меня? Простите, что беспокою в субботу, но уж больно срочный вопрос.

– Кахидзе? Кахидзе... А, ну, как же! Помню, конечно. Что у тебя стряслось, Борян? – голос Петра Максимовича стал приветливее.

– Спасибо, Пётр Максимович, – непонятно за что поблагодарил его Боря. – Как ваше драгоценное здоровье? Как се-

мья? Как там на службе, скучают по вас, поди?

– Да хорошо всё, хорошо. В штатном режиме, так сказать. Давай уже к делу, Кахидзе, а то голова так трэшчит, сил нет. А ты говоришь, здоровье...

– Ох, простите, пожалуйста, крайне сожалею, что звоню в столь неудобный момент. А вы знаете, говорят, томатный сок очень помогает. Особенно если положить в него яичный желток, да хорошенько взбить и соли с перцем добавить, так вообще рукой снимет! – с голосом полным участия затараторил Боря.

– Так! А ну-ка отставить разговорчики! Докладывай по существу.

Судьба свела Бориса с Петром Максимовичем Кудрицким двенадцать лет тому назад на кинофестивале в Минске. В те времена тот заведовал культмассовым сектором МВД Беларуси. На фестиваль он заехал, чтобы получить приз в номинации «Патриотическое кино» за фильм, созданный при финансовой и идеологической поддержке его ведомства. Полковник Кудрицкий уже тогда был довольно влиятельной фигурой, и знакомство с ним такого желторотого очкарика, как Борька, могло состояться только при весьма курьёзных обстоятельствах.

Случилось так, что номинация, ради которой и был командирован на фестиваль Пётр Максимович, стояла чуть ли не в самом конце всей церемонии награждения. К тому же номинации перемежались частыми выступлениями эстрад-

ных коллективов, так что ждать ему пришлось часа три. Полковнику было нестерпимо скучно и дабы развеять тоску, он регулярно наведывался в буфет опрокинуть рюмку-другую коньячку. В результате к моменту объявления его номинации, Кудрицкий был уже довольно тёпленький.

Бодрым шагом поднявшись на сцену, Пётр Максимович торжественно зачитал текст от имени главы ведомства. В заключении он добавил пламенные благодарности от себя лично создателям фильма и организаторам фестиваля, крепко обнял и расцеловал миловидную ведущую и с чувством выполненного долга отправился было обратно в зал. Однако от избытка эмоций бедный полковник забыл о довольно крутых ступенях, по которым следовало спуститься со сцены, и, промахнувшись, полетел вниз на глазах у всего зала. Свежеполученная хрустальная статуэтка, естественно, выскользнула у него из рук. И ехать бы Петру Максимовичу с позором на ковёр к генералу, не окажись у подножья сцены Борьки Кахидзе, который в те времена не только писал тексты, но и делал фоторепортажи с целью подработки. С далеко не присущей ему ловкостью и грацией Боря бросил фотоаппарат и кинулся за статуэткой. Этому эпическому прыжку позавидовал бы даже его любимый Джиджи Буффон!

За чудесное спасение своей офицерской чести Пётр Максимович щедро угостил молодого журналиста в том же буфете и, прощаясь, взял с него обещание звонить ему без всяких стеснений в случае возникновения каких бы то ни было про-

блем. Через пару лет Кудрицкий перебрался в Москву и со временем дослужился до звания генерала российского МВД. Несмотря на то что год назад он вышел на пенсию, связей и влияния у него по-прежнему хватало. Все эти годы Борис не особенно докучал Кудрицкому, но поддерживал с ним связь, скрупулезно поздравляя того со всеми календарными и семейными праздниками. И вот настала пора обратиться с серьёзным вопросом.

Боря вкратце рассказал генералу о странном происшествии, случившемся с его другом, сделав упор на недвусмысленные угрозы, высказанные «этим негодяем», и объявленный трёхдневный ультиматум. Убедив Кудрицкого, что угроза вполне реальна, он попросил вычислить звонившего. Генерал ответил, что на это потребуется пару часов.

– Кабы не выходной, справились бы быстрее, но суббота, сам понимаешь. У кого рыбалка, а у кого и палка. Жди, Кахидзе, наберу, – хохотнув, завершил разговор Кудрицкий. На самом деле за год на пенсии он порядком заскучал и был рад даже такому простому делу.

Прошло три часа, и после некоторых раздумий Борис решил всё-таки позвонить Мише. Произошло это как раз в тот момент, когда Бану Гарда поднял бокал с морсом и представился. Брыльский вопросительно взглянул на него. Тот кивнул, и молодой человек ответил на звонок:

– Да, слушаю.

– Ну как ты, Миш?

– Нормально, пообедал вот. А ты как? Соскучился уже?

– Хм, соскучился... Знаешь, я сейчас общался с генералом Кудрицким, – озабоченно произнес Борис.

– Да? Ну и что с того?

– Рассказал ему про твой утренний телефонный разговор с тем твоим «поклонником». Попросил его пробить по своим каналам, кто это так развлекается. И знаешь, какая странная штука?

– Какая? – Брыльский побледнел, почувствовав по тону друга, что ничего хорошего тот сейчас не скажет.

– А такая! Выяснилось, что никто тебе не звонил. Более того, и не мог позвонить, так как твой номер вот уже девять месяцев как отключён за неуплату.

Миша качнулся, но усидел на стуле. Он даже забыл о своем невероятном госте, который, попивая морс, вежливо ожидал завершения разговора.

– К-как это не звонил? – запинаясь, спросил он. – А с кем же я тогда? Как отключён? Погоди-ка, минутку!

Брыльский бросился в гостиную. Трубка от стационарного аппарата лежала на журнальном столике перед разобраным диваном. Миша схватил её и нажал на кнопку включения. Тишина. Он начал судорожно нажимать на кнопки, набирая наугад разные номера. Но и это не помогло. Последняя надежда – проверить подключена ли база к сети. Всё было на месте, и телефонный кабель, и сетевой. Брыльский понуро побрёл обратно в кухню и взял мобильный со стола.

– Князь?

– Миш, тебе нужна помощь. Давай я сейчас приеду, и мы с тобой съездим в клинику? У меня есть знакомый доктор, как раз по этой линии. Я уже звонил ему, готов принять нас сегодня же.

– Нет-нет, не приезжай! – воскликнул Миша, посмотрев на крокодила. – И по какой ещё «этой линии»?

– Брыльский, у тебя классические симптомы белой горячки. Неужели ты этого не понимаешь? Делириум тременс! – он и тут не упустил возможности вставить фразу из Гайдая.

– Боря, я вчера выпил всего двести граммов виски и пинту пива. Это тебе может подтвердить бармен из «Сан-Ремо». Я всё прекрасно помню, и если я говорю, что мне звонили на домашний, значит, так оно и было. И задрал ты уже со своими афоризмами! – перешел практически на крик Брыльский, чем вызвал удивленный взгляд Бану.

– Миш, ну постой, не кипятись. Хорошо, не хочешь в клинику, давай просто встретимся и прогуляемся. Смотри, какое солнце за окном. Вот уже и весной запахло.

Помолчав некоторое время, Брыльский всё-таки ответил.

– Ладно, давай встретимся. Только я сам к тебе подъеду. Прогуляемся у тебя там на Патриарших.

– Вот и замечательно! Буду ждать, – радостно воскликнул Борис.

Брыльский вопросительно уставился на крокодила и тяжело вздохнул. «И чем я всё это заслужил, господи? Почему

я?» – пожалел он себя в уме.

– Заслужил, Михей, даже и не сомневайся. За Силу надо платить. Рано или поздно, но надо, – посочувствовал Бану.

Глава 6

*В зверинце трое негрят
Забрались в клетку льва.
Растерзан насмерть третий брат,
И братьев стало два.*

*Топили двое негрят
В ненастный день камин.
В огонь один свалился брат,
И уцелел один.
С.Маршак*

Заварив крепкого цейлонского чая, Брыльский и его гость уютно устроились в гостиной. Диван был уже собран, кресло придвинуто поближе к журнальному столику, а по телевизору шло что-то типа National Geographic.

Просто поразительно, насколько сильна адаптивная функция человеческого мозга. Скажи вчера кто-то Мише, что завтра он будет распивать чай в собственной квартире с крокодиллом, он бы лично сопроводил такого чудака в клинику, подобную той, в которую ему предлагал прокатиться Кахид-

зе. Сегодня же его разум, немного посопротивлявшись для приличия, переварил новую реальность без видимых повреждений.

Брыльского уже даже не особенно удивила очередная метаморфоза во внешнем виде его гостя. Теперь на крокодиле красовался фиолетовый велюровый халат в ретро-стиле с оторочками из золочёных ниток, желтый в черный горошек шейный платок из натурального шёлка, голубые пижамные штаны в вертикальную белую полоску и огромные мягкие тапочки в форме розовых поросят. Видимо, по мнению Бану данный наряд был наиболее уместен для домашнего чаепития. Причём «переоделся» он за те мгновения, пока они переходили из кухни в гостиную.

– Ну и что же это за Сила такая? – начал, наконец, беседу Брыльский, после того, как они налили из заварочного чайника по второй чашке чая. – Мне кажется, что-то про это было у меня во сне про Македонского.

– Именно поэтому, я тебе и показал этот «сон», если тебе угодно так это называть, – ответил Бану Гарда.

– Как же это называется по-твоему?

– Секретная серия «Паноптикума». Материал для служебного пользования.

– А, понятно, – ухмыльнулся Миша. – Послушай, а почему ты всё время переодеваешься? Откуда все эти гротескные образы? И как ты их меняешь вообще?

– Гротескные?! Хм-хм, – оглядел себя с недоумением Ба-

ну. – Вообще-то я подбираю наиболее подходящие образы под ту или иную ситуацию, сверяясь с твоим культурным кодом. И делаю это, между прочим, только лишь для того, чтобы поменьше травмировать твою психику.

Брыльскому показалось, что гость искренне обиделся на его замечание. Похоже, он действительно очень старался, подбирая эти красочные костюмы, и был уверен, что справляется с задачей на отлично. Обиженный крокодил – это было уже too much, как любил говаривать его бывший босс Занин, подчёркивая свою близость к цивилизованному Западу. Брыльский залиvisto захохотал.

– Прости, прости, пожалуйста, – пытался остановиться он, но это было не просто. – Ничего не могу с собой поделать!

Крокодил смотрел на него, насупившись, но не предпринимал никаких действий. Наконец, Миша отсмеялся и, хлебнув из чашки, сказал с плохо скрываемой иронией:

– Извини, пожалуйста, но в моем культурном коде в принципе нет такой опции как «крокодил-стиляга». Обещаю поработать над собой. Клятвенно обещаю.

– Не вижу ничего смешного, Михей, – последовал строгий ответ. – Дай-ка я тебе кое-что объясню. Во-первых, закрытым вопрос с визуальными эффектами. Будучи типичным представителем цивилизации ящеров, мне было необходимо придумать способ, как вступить с тобой в контакт, избежав таких необратимых для тебя последствий, как разрыв сердца, потеря рассудка или самоубийство. Анализ всего твоего

жизненного опыта, временного и национального контекста и других, менее значительных характеристик твоей личности, как например, цветовые или вкусовые предпочтения, установил, что появление в образе крокодила из детского мультфильма несёт наименьшие риски для твоей жизни. Следующие же костюмы были подобраны мною в российском разделе универсального имидж-банка. Тот факт, что сейчас мы с тобой относительно мирно пьём чай, свидетельствует о том, что я был, не так уж и не прав, не так ли? – на этих словах Бану игриво подмигнул молодому человеку.

– Во-вторых, – монотонно продолжил крокодил. – Прошу перестать тешить себя иллюзией о том, что ты тронулся умом. Понимаю, эта мысль весьма комфортна для твоего разума, ведь только так можно объяснить всё, что происходит с тобой в эту субботу. Однако, эта идея контрпродуктивна для нашего с тобой дела, ведь прибыл я сюда вовсе не для того, чтобы развлекать тебя красивыми нарядами и интересными снами. И это, друг мой, в-третьих.

Некоторое время крокодил молчал, внимательно разглядывая Брыльского. Он словно пытался понять, насколько его собеседник усвоил его разъяснения, и, видимо, не убедившись в этом, спросил:

– Ты меня понимаешь, Михей? Мы можем двигаться дальше?

– Зачем ты спрашиваешь? Ты же говорил, что можешь читать мои мысли, – огрызнулся Брыльский.

– Именно потому и спрашиваю, так как в голове у тебя сейчас настоящий торнадо из взаимоисключающих догадок, страхов и намерений. К тому же я могу читать только те мысли, которые ты намереваешься мне передать. Слышал фразу «снял с языка»? Так вот это примерно то же самое. Можно сказать, что я постоянно снимаю с языка. Но не будем отвлекаться. Пойми, Михей, времени у нас с тобой практически нет и мне очень важно, чтобы ты не сомневался в реальности происходящего, – подвинувшись ближе и, чуть ли не упёршись своей огромной мордой в лицо Мише, он зловеще прошептал. – Ты сам и весь твой мир находится в одном шаге от гибели.

Фраза воткнулась в Мишин мозг, как шипящая кобра: стремительно и больно. Брыльский догадался, что гость умеет не только посылать свои мысли ему в голову, но и влиять на эффект, который они оказывают. Бану Гарда словно направлял в него стрелы, наконечники которых были пропитаны той или иной эмоцией. И сейчас его пронзила стрела страха. Перед ним сидел уже не тот добродушный крокодил, который так заботливо кормил его стейками. О нет! Комната погрузилась в полумрак, и теперь он видел громадного, свирепого ящера с острыми, как бритвы, зубами и кровожадными глазами. Миша побледнел и ощутил легкую дрожь по всему телу. Довольный произведенным эффектом Бану ослабил эмоциональный накал своего подопечного до уровня лёгкой тревоги.

– Извини, это была вынужденная мера. Перейдём, наконец, к делу? – спросил он с прежним дружелюбием, успев подобрать в имидж-банке строгий деловой костюм, к которому идеально подходил фразеологизм «с иголки».

– Перейдём, – согласился Брыльский без тени прежнего сарказма.

– Так вот, Михай Брыльский, как я уже сказал, моё имя Бану Гарда. Я прибыл на Землю сегодня утром с планеты Заурус, галактика Олимпус, с целью помешать тебе начать глобальную войну.

Миша часто заморгал, хмыкнул пару раз, откашлялся и, выпучив глаза, уставился на крокодила.

– Простите, господин Гарда, а вы не ошиблись? Я всего лишь заурядный журналист, пишущий развлекательные тексты. Честно говоря, я один из последних обитателей этой планеты, кто может начать тут войну, да еще и глобальную. Точнее мировую, если я вас правильно понял. Не обижайтесь, просто это прилагательное лучше подходит сюда по контексту.

– А вот и нет, дорогой мой! Ты как раз-таки один из трёх людей на этой планете, которые могут начать мировую войну, – торжествующе воскликнул Бану.

– А кто же другие двое? – озадаченно уточнил Брыльский.

– Номер 1 и Номер 2. Но они уже вне игры. Номер 1 был очень близок к тому, чтобы развязать войну, но не выдержал напряжения и сошёл с ума. Его расчётливый и холодный ум

поддался религиозному соблазну и теперь это отыгранный материал. Ему осталось недолго. В Номера 2 я изначально не очень верил. Сила у него, конечно, была значительная, но употребил он её не совсем по назначению. В том числе и на бесполезную борьбу с Номером 1. Хотя сам он так не считает и в глубине души до сих пор лелеет надежды на величие. Остался только ты – Номер 3.

– Насколько я понимаю, спрашивать кто эти Номера бесполезно?

– Я не уполномочен разглашать эту информацию. Хотя не думаю, что эта такая уж тайна. Полагаю, со временем ты сам догадаешься, персонажи-то заметные. Но к нашему делу это не имеет прямого отношения.

– Ну и с чего же ты решил, что я третий номер? Я-то персонаж совершенно ординарный и не слишком-то заметный.

– Разведка доложила, – вновь подмигнул Бану. – *Они* всегда заряжают Силой троих. На случай осечки.

– Бану, да нет во мне никакой силы, поверь. Ты оглянись вот вокруг, – обвел рукой свою неказистую комнату Брыльский.

– А ты вспомни, Михей, как тебе удавалось убеждать публику в любой чуши. Тебе же стоило пальцем поманить, и все они шли за тобой, как крысы за тем флейтистом. Думаешь, почему это у тебя так играючи получалось? Это и есть твоя Сила, друг мой. Только использовать её ты успел процентов на десять, не больше. А закончилась она у тебя то-

же не случайно. Просто *они* сделали окончательную ставку на Номера 1 и перекрыли тебе доступ к источнику. Но случилось непредвиденное. Не на ту лошадку поставили, каналы! – вдруг расхохотался пришелец.

– А кто это, *они*? – осторожно спросил Миша.

– Антропоты с планеты Антро. Предки твои. Один из них, кстати, звонил тебе сегодня утром. Или если быть более точным, связывался с тобой методом трансгалактической телепатии.

– А-а-а, телефонный террорист?!

– Он самый. Миссионер высшего ранга Алулим Киш. Очень. Опасный. Человек, – последние слова Бану произнёс с нажимом и выраженными паузами, стараясь придать им больший вес, от чего у Брыльского пробежали мурашки по спине.

– Что же ему от меня нужно? Он так толком и не объяснил.

– Очень просто. У него противоположная миссия. Он хочет, чтобы ты начал войну всех против всех.

Тут Брыльский стал что-то смутно припоминать. «Ну, конечно, сон про Александра Македонского! Великий азиатский поход и так далее». Бану одобрительно кивнул:

– Верной дорогой идешь, товарищ! – и снова подмигнул.

«Видимо, опять что-то не так понял в нашем культурном коде» – подумал было молодой человек, но помня об обидчивости зауритянина, мгновенно отогнал эту мысль.

– Я тебе сейчас ещё кое-что покажу. Думаю, так будет понятнее. Но для этого тебе нужно заснуть.

Желтые глаза крокодила уставились на Мишу. Они становились все больше и больше, пока вокруг не осталось ничего кроме них.

Глава 7

Эпизод №46/2.

Сезон №98044.

Штамп: «не для публичного показа».

Мальчик лет двенадцати крался в ночной темноте сквозь заросли тростника. Несмотря на то, что он уже достаточно отошёл от курени* (**курень – большой кочевой посёлок у монгольских племён – прим. автора*), да и ливень с грозой заглушали собой иные звуки, мальчик всё же старался не шуметь, ступая медленно и осторожно. Продвижение осложнялось невозможностью смотреть себе под ноги из-за массивных деревянных колодок, закреплённых у него на шее. Но судя по ловкости его движений, можно было сделать вывод, что он уже достаточно давно подвергается этой изощрённой пытке и научился не обращать внимания на причиняемые страдания и неудобства.

Добравшись до края берега, он слегка приподнялся над густыми зарослями и огляделся вокруг, пользуясь светом от

сверкающих молний. Впереди простиралось большое тёмное озеро, северная часть которого упиралась в невысокие бугры, а южная переходила в болото. Можно было бы попробовать переплыть озеро и уйти на восток, но с колодками на шее об этом не стоило даже мечтать. Оставался только один путь – обогнуть по берегу лагерь и двинуться в степь. Но скоро рассветёт, его отсутствие будет замечено и начнутся поиски. Лучше дожидаться следующей ночи, а пока нужно немного отдохнуть. Мальчик дополз до деревца, под широкими листьями которого можно было хоть немного укрыться от дождя, прильнул к стволу и тут же уснул.

Разбудили его громкие крики, доносившиеся со стороны посёлка. Подросток вскочил и нырнул в заросли. Многочисленные голоса приближались. Похоже, Таргутай отправил на его поиски всех мужчин, не занятых в выпасе скота. Ливень закончился, и начинало светать, а значит, укрыться будет практически невозможно. Расчёт на то, что преследователи в первую очередь начнут искать его в степи, а не у болотистого озера, не оправдались. Вдруг он, услышав какой-то шорох, резко повернулся к воде. Прижавшись к земле, мальчик застыл в надежде, что это утка или водяная крыса. Послышался тихий свист. Нет, это точно не утка.

– Тэмуджин, Тэмуджин! – позвал его кто-то шёпотом. – Ползи сюда, не бойся.

Скрываться уже не было смысла, и мальчик пополз на голос. У самой воды он наткнулся на мужчину, так же, как

и он, скрывающегося в кустах. Лицо его было ему не знакомо. Мужчина улыбнулся и приложил палец к губам. Позвав его за собой коротким взмахом руки, незнакомец пополз вдоль берега. Тэмуджин молча последовал за ним. Так они передвигались минут пятнадцать, пока мужчина, наконец, не остановился.

– Следуй за мной и не шуми, – шепнул он и исчез.

Подросток двинулся за ним и вдруг ощутил, что земля уходит из-под него. Скатившись вниз, он с изумлением оглянулся. Внизу должно было быть холодное озеро, а он сидел на мягкой глинистой земле. Незнакомец цыкнул откуда-то сзади. Тэмуджин повернулся, и всё стало ясно. Оказывается, за эти четверть часа они доползли до небольшого бугорка, с которого и скатились вниз. Берег в этом месте слегка нависал над водой, образуя своеобразный козырёк, под которым было небольшое углубление. Именно там и засел его таинственный спаситель.

Быстро переместившись к нему в укрытие, Тэмуджин более внимательно оглядел его. Это был достаточно молодой человек, на вид не старше двадцати пяти лет. Несмотря на то, что одет он был как монгол, внешность у него была западного человека. Он видел таких среди пленников, пригнанных его отцом из дальних походов. Светловолосые, голубоглазые, сломленные... Но этот не был похож на раба. Одеждой и уверенным взглядом он скорее напоминал молодого нукера. Да и говорил без всякого иноземного акцента.

– Кто ты, незнакомец? – прошептал мальчик.

– Мое имя Алулим Киш, но вряд ли оно что-то тебе скажет. Я здесь для того, чтобы спасти тебе жизнь.

– Но кто тебя прислал?

– Друзья, Тэмуджин, друзья. Я помогу тебе сбежать от Таргутая, но взамен мы должны заключить с тобой небольшой договор. Ты ведь уже не ребёнок и должен понимать, что всё на свете имеет свою цену.

– Да, я понимаю. Но что я могу тебе дать? Я ведь нищий.

– Мне не нужно золота, Тэмуджин. Я потребую у тебя нечто иное. Человеческие жизни. Много жизней. Ты мне будешь должен, по меньшей мере, тридцать миллионов жизней.

– Не понимаю, – покачал головой Тэмуджин.

– Всё просто. Я спасу тебя и помогу стать владыкой мира. В ответ ты обязуешься истребить тридцать миллионов человек. Кого именно ты будешь убивать и каким образом, мне не важно. Главное, дай выход Силе, которая в тебе заложена.

– Хорошо, – пожал плечами подросток.

– Отлично. Теперь слушай меня внимательно и исполни всё в точности. Через несколько минут твои преследователи начнут прочесывать эту часть берега. Ты нырнешь в озеро, вон там, в камышовых зарослях, и будешь лежать в воде, не двигаясь, пока не услышишь мой свист. Не беспокойся, твои колодки на этот раз сослужат тебе добрую службу, и не дадут утонуть. Чтобы не задохнуться, постарайся оставить на по-

верхности воды кончик носа. После того как шакалы Таргута пройдут дальше, и ты услышишь мой свист, вылезай на берег, тут тебя будет ждать мой человек. Тебе всё понятно, Тэмуджин?

– Да.

– Тогда вперед, они уже близко. До встречи! И помни, ты дал мне обещание, – шепнул напоследок Алулим Киш, хлопнув Тэмуджина по спине.

* * *

Полуденное солнце растеклось над степью, щедро отдавая ей последние запасы своего тепла, оставшиеся от недавно закончившегося лета. Небольшой отряд, насчитывавший не больше сотни человек, включая слуг, стремительно двигался на юг. Всадники гнали лошадей, не жалея плетей. Даже повозка, запряженная четверкой тягловых коней, не отставала и держалась ровно посередине.

На повозке покоился закрепленный веревками труп старика. При жизни это был крепкий широкоплечий мужчина высокого роста и с длинной бородой. Испещренное морщинами лицо покойника свидетельствовало о том, что он прожил очень долгую жизнь, но оно никак не сочеталось с его темно-русыми волосами без намека на седину. Роскошный наряд покойника говорил о его исключительно высоком статусе. Впрочем, это было понятно и по внешнему виду воинов, провожавших его в последний путь.

В авангарде отряда скакал человек, выделявшийся среди остальных, европейской внешностью. Сопровождал его старый слуга с лицом, наглухо замотанным черной тканью с прорезью для глаз. Даже самые опытные воины кэшиктена – личной гвардии Чингисхана, не знали, кто это чужеземец и почему их великий владыка повелел им перед смертью беспрекословно исполнять все его указания.

Он появился неизвестно откуда за несколько часов до смерти хана и был представлен приближённым в качестве главного распорядителя его будущих похорон. Также правитель пожелал, чтобы место его захоронения осталось втайне, и лично отобрал воинов для того, чтобы сопровождать себя в последний путь. Всех, кто будет встречен ими в пути, он наказал безжалостно убивать. Будучи уже на последнем издыхании, правитель попрощался со своими жёнами, детьми и прочей роднёй, приказав оставить его наедине с гостем с Запада. Таким образом, этот загадочный человек оказался свидетелем последнего вздоха величайшего из монголов, когда-либо живших на земле.

Предводитель отряда назвался «господином Кишем». Он был немногословен, общаясь преимущественно со своим слугой, который в свою очередь не разговаривал абсолютно ни с кем. Никому в отряде не был известен пункт назначения их путешествия. На вопросы об этом господин Киш отвечал, что «небо укажет им место».

Их путешествие длилось уже семь ночей. Киш старался

вести траурный эскорт в обход городов и поселений. Встречавшиеся по дороге немногочисленные охотники и скотопасы истреблялись без лишних слов, а их трупы увозились подале, дабы никто не мог проследить путь отряда по его смертельным меткам. И вот у подножья ничем не приметельного холма чужеземец, наконец, остановился. Воины подумали, что тот решил сделать привал и переждать солнцепёк в тени весьма кстати оказавшейся здесь рощицы. Однако похажив некоторое время в компании своего молчаливого слуги вокруг наспех разбитого лагеря, Киш объявил, что это и есть место захоронения великого хана. Прежде чем приступить к работе, он позволил участникам похода перекусить, сам же уединился со слугой в своей юрте.

За обедом воины горячо спорили, пытаясь угадать те или иные приметы, по которым «господин Киш» избрал именно это место в качестве места упокоения их правителя. Одни указывали на изгибы вершины холма, отдаленно напоминающие лежащего человека. Другим виделись знаки в особом расположении деревьев в роще. А третьи, вспоминая слова чужестранца, тыкали пальцами в небо, пытаясь рассчитать траекторию падения лучей солнца. Всё это грозило уже перерасти в серьёзную междоусобную драку, но тут из шатра вышел Киш и скомандовал начинать копать могилу.

Захоронив Чингисхана, отряд тщательно убрал следы лагеря и до самой ночи старательно топтал землю, чтобы не осталось и намёка на место его упокоения. Минула полночь,

когда чужеземец, в очередной раз придиричиво оглядев территорию под светом полной луны, скомандовал, что отряд может трогаться. Приказав так же спешно и не оставляя свидетелей скакать домой, он вдруг заявил, что его миссия на этом закончена, все свои обязательства перед владыкой он исполнил и теперь отправится дальше на юг по своим делам. Вскочив на лошадь и махнув на прощание рукой, он вместе со своим таинственным слугой исчез так же внезапно, как и появился.

Глава 8

*Ничего не будет: ни кино, ни театра,
ни книг, ни газет – одно сплошное телевидение.*

Р. Рачков

На сей раз комариного пятна на потолке не оказалось. Брыльский потянулся, огляделся и понял, что заснул на диване. Сон был очень глубокий, но с памятью всё было в порядке, поэтому сидевший в кресле и задумчиво потягивающий трубку крокодил не вызвал у него очередного шока.

– Да, интересная история, но мог бы и предупредить насчёт гипноза. А к чему эти сны? Александр Македонский, Чингисхан... – перевёл он себя в вертикальное положение.

– Во-первых, ты увидел в деле Алулима Киша, с которым тебе в скором времени предстоит познакомиться поближе.

Во-вторых, это вообще-то реальная история твоей планеты.

– Ну про то, что могилу Чингисхана так до сих пор и не нашли, я слышал. А вот то, что он был наёмным киллером какого-то светловолосого европейца, это как-то маловероятно, – рассмеялся Миша.

– Могилу Тэмуджина не нашли, потому что её никогда и не существовало. Тэмуджин скончался не на Земле, – невозмутимо ответил Бану.

– То есть как это? – изумился Брыльский. – А как же труп, который они везли?

– Это был не труп, а болванка. Кукла с заложенным механизмом самоуничтожения, созданная в стандартном клонере на планете Антро. А сам Тэмуджин был замаскирован под слугу Алулима. Тонкий ход, не правда ли? И, кстати, весь этот похоронный отряд вплоть до лошадей был зарезан в первую же ночь по возвращению домой по секретному приказу Киша. В том числе из-за таких вот фокусов он считается легендой миссионерского корпуса антропотов.

– Но зачем всё это было нужно?

– А затем, что Тэмуджин, как и обещал, исполнил свою часть договора, и даже перевыполнил её. По нашим данным он погубил более сорока миллионов человек. Увлёкся немного, скажем так. Ну а в награду получил право на репатриацию.

– Репатри... что? – запнулся и выпучил глаза Миша.

Гарда задрал голову и посмотрел на часы, висевшие на

стене над ним. По его задержавшемуся хвосту хозяин квартиры догадался, что гость остался не очень доволен увиденным. И ведь действительно время сегодня шалило, согласился Брыльский в уме.

– У нас мало времени, Михей, поэтому пора переходить к главному. Слушай внимательно, все вопросы потом. Всё началось несколько миллиардов лет тому назад, если считать по привычному для тебя летоисчислению, или же около четырёхсот миллионов лет назад по принятому в нашей галактике календарю. Именно тогда состоялся судьбоносный научный конгресс на планете Самаки, полностью покрытой водой и населённой исключительно рыбами и прочими формами жизни, приспособленными к жизни в водной среде. На этом историческом конгрессе, проводившемся в изолированном от воды зале на дне океана, межгалактической группой учёных была представлена концепция Эксперимента, который должен был положить конец недоверию между цивилизациями, населяющими бесчисленные планеты галактики Олимпус. Идея была в том, чтобы искусственно создать такую планету, на которой были бы равные условия для жизни всех без исключения разумных существ нашей галактики. После запуска планеты на орбиту и её стабилизации в окружающем космическом пространстве, предлагалось отправить на неё по паре половозрелых и пригодных к размножению представителей от каждой расы, живущей в Олимпусе. Главная цель, которая преследовалась Экспери-

ментом, – определить, как наши формы жизни будут развиваться в условиях замкнутой экосферы, имея абсолютно равные стартовые позиции. Гипотеза учёных заключалась в том, что, оказавшись в таких стерильно равных условиях, столь разные живые организмы станут влиять друг на друга максимально позитивным образом. Тем самым учёные надеялись создать идеальное общество, в котором каждая форма жизни, играя свою уникальную роль, будет являться необходимым элементом глобального баланса.

Брыльский слушал, затаив дыхание. Он открыл было рот, чтобы уточнить что-то, но Бану категорично замотал головой и продолжил:

– Проект был принят «на ура» правительствами всех планет и незамедлительно утверждён для реализации. Создание, запуск и заселение экспериментальной планеты заняло семь олимпийских лет. Для наблюдения за развитием Эксперимента учёные вживили каждому отправленному на планету существу видеоген, который в обязательном порядке переходит по наследству до сих пор. По функционалу это похоже на *аттоскопическую (**атто – единица измерения в два раза меньше нано – прим. автора*) видеокамеру, вживлённую в глаз и подключённую к единому серверу. Благодаря этой функции глаз всех без исключения живых существ на Земле, мы имеем возможность видеть всё, что здесь происходит в режиме онлайн. Разумеется, речь идёт о существах, у которых в принципе есть глаза. Запись звука и других сен-

сорных ощущений включается после того, как начинает работать зрительная функция, то есть сразу же, как только носитель открывает глаза. Таким образом, зритель не только видит и слышит мир через земного обитателя, но и чувствует все переживаемые им эмоции. Кроме того, мириады подобных камер были смонтированы по всей планете, так что миф о всевидящем оке – чистая правда. Также были приняты меры по исключению насильственного ментального воздействия обитателей планеты друг на друга и их выхода за пределы созданной экосферы. Проще говоря, у всех существ были заблокированы функции телепатии и телепортации, которыми изначально обладают все живущие в нашей галактике.

– Звучит как-то несправедливо, – перебил-таки монолог крокодила Брыльский.

– Се ля ви, мон шер, – перешёл вдруг на французский Гарда. – Вначале это был сугубо научный проект. Учёные со всех планет с пристальным вниманием наблюдали за первыми шагами представителей своих народов и радовались их маленьким успехам, выдавая общественности лишь сухие данные о развитии Эксперимента. Но постепенно интерес обывателей стал расти и тогда проект эволюционировал из научного опыта во всегалактическое шоу. Тогда-то и появился «Паноптикум». И, скажу без лишней скромности, основная заслуга в этом принадлежит нам, зауритянам. Испокон веков наша цивилизация занимала лидирующие позиции в Олимпусе практически по всем направлениям. Неуди-

вительно, что именно мы, точнее наша ведущая бродкастинговая компания, взялась за раскрутку проекта и сделала его самым популярным и прибыльным реалити-шоу во всей известной Вселенной! «Паноптикум» пришел в каждый дом в галактике и теперь без него невозможно представить жизнь обитателей Олимпуса.

Миша многозначительно перевёл взгляд на телевизор, где показывали колоритный сюжет из брачной жизни африканских носорогов.

– Нет, Михей, подобные эпизоды доступны только для совершеннолетних зрителей нашего шоу. И то за отдельную и весьма немалую плату, – назидательным тоном проговорил Бану.

– Как же вы рейтинг нагоняли? Это же самый цимес! – насмешливо воскликнул Брыльский.

– А этому поспособствовало то, что идеалистическая гипотеза учёных оказалась в корне неверной. На Земле стали происходить весьма неожиданные вещи. По мере размножения и развития, переселённые на планету существа, не только не желали сотрудничать, но и проявляли всё больше и больше агрессии по отношению друг к другу. Когда же многие виды стали переходить к хищническому образу жизни рейтинги «Паноптикума» стали бить рекорды. Ещё бы ведь в нашей галактике вражда и войны были искоренены еще в незапамятные времена. Представить себе тигра, поедающего живого оленя, для жителей Олимпуса всё равно, как если бы

ты съел живьём младшего сына твоего друга Бориса у него на глазах. То есть практически невообразимо. Конечно, расовая самоидентификация у нас сохраняется, и мы так или иначе соревнуемся друг с другом, но всё это происходит в области науки, спорта, искусства. В общем, с нулевым уровнем насилия. «Паноптикум» будоражил инстинкты и щеко-тал нервы. Он воспринимался как зрелищное соревнование, существенно отличающееся от спорта тем, что это игра не на жизнь, а на смерть. Впрочем, этот азарт знаком вам по гладиаторским боям и прочим смертельным состязаниям.

Брыльский понимающе кивнул. Крокодил промочил горло чаем и продолжил:

– На первых порах Заурус ликовал, ведь довольно скоро ящеры стали доминирующим видом и на Земле. Зауритяне были так вдохновлены, что концентрация научных прорывов, философских открытий и появления шедевров искусства в этот период была наивысшей в нашей истории. Тогда мы впервые заметили, что «Паноптикум» влияет на нашу реальность гораздо сильнее, чем обычное развлекательное шоу. Но время показало, что это были только цветочки. Когда наши правители уже всерьёз обсуждали планы по установлению дипломатических контактов с земными ящерами и объявлению Земли колонией Зауруса, произошла катастрофа. В результате коварной диверсии климат на вашей планете стал стремительно меняться в сторону охлаждения. Все косвенные признаки, а также дальнейшее развитие собы-

тий, свидетельствовали о том, что это дело рук антропотов – цивилизации людей. Да-да, Михей, ваших далеких предков. Но, конечно, официально они в этом теракте так и не признались, а неопровержимых доказательств обнаружено не было. С этого момента история Земли резко изменилась. Но, что более существенно для нас, изменилось положение дел и в нашем мире.

– А у нас, кстати, ходит такая конспирологическая версия о том, что вымирание динозавров было кем-то спланировано. Правда, на вопросы кем и зачем вразумительного ответа никто из учёных с альтернативными взглядами не даёт, – заметил Брыльский.

– Это отголоски того информационного шума, который зауритяне подняли в те далёкие времена. К сожалению, результата наши протесты не принесли, – печально ответил Бану. – Гибель цивилизации земных ящеров, а они вовсе не были безмозглыми тварями, как вас учит насаждённая антропотами пропаганда, неожиданно возвысила человека. Простые обыватели на самых разных планетах Олимпуса поразились тому, что именно люди заняли господствующее положение на Земле. Дело в том, что в нашем мире антропоты никогда не воспринимали всерьёз. Во все времена они считались глупыми и слабыми существами, хоть и не лишёнными определенной хитроумности. Главным талантом антропоты всегда считался их артистизм. Неслучайно самые великие актёры, певцы и танцоры в истории Олимпуса именно

с этой планеты. Но на то, что их потомки станут доминирующим видом на Земле, никто бы не поставил и ломаного гроша. И есть серьёзные подозрения в том, что тут не обошлось без вмешательства их далеких прародителей. А это является грубейшим нарушением Меморандума, подписанного правительствами всех цивилизаций при запуске Эксперимента.

Гарда прервал свой рассказ, отвлѣкшись на телевизор. Там продолжалась программа об африканских животных. Как раз в этот момент диктор с увлечением рассказывал о рационе питания нильских крокодилов. По понятным причинам для Брыльского эта тема сейчас была весьма актуальна. Когда крокодил на экране стал разрывать плоть зазевавшейся на водопое молодой антилопы, Миша украдкой покосился на своего гостя. К счастью для него, пришелец, внимательно наблюдавший за этой душераздирающей сценой, укоризненно покачал головой.

– Не мог бы ты переключить канал? – попросил он.

– О, с удовольствием! – Брыльский был только рад исключить провокации, которые могли бы привести к печальным последствиям для него.

– Спасибо! – искренне поблагодарил Бану и продолжил. – Теперь самое главное. Все эти нарушения Меморандума – просто детские шалости по сравнению с тем планом, который стали со временем реализовывать антропоты с помощью *нашего* «Паноптикума»! Провоцируя жестокие пытки, свирепые расправы, массовые убийства, уничтожение целых ви-

дов животных и природной среды – они сеют страх среди цивилизаций нашей галактики. Ты видел результаты их вмешательства по историям Александра и Тэмуджина. То есть на примере своих потомков, населяющих Землю, они показывают, насколько могут быть опасны сами антропоты для своих соседей и постепенно подминают под свой протекторат всё новые и новые планеты. Конечно, их уровень влияния пока еще далек от могущества Зауруса, но они сумели вернуть в наш мир чувство тревоги и вражды между расами. Ещё немного и наша галактика окажется на пороге большой войны. Разумеется, нас это очень беспокоит. А самое обидное, что по долгу службы твой покорный слуга оказывает антропотам полное содействие. Да! Кажется, я не назвал свою профессию.

– Не назвал, – подтвердил ошарашенный объёмом обрушившейся на него информации журналист.

– Я исполнительный продюсер «Паноптикума». Отвечаю за бесперебойную и качественную трансляцию шоу в каждый дом в галактике Олимпус. А также за маркетинг, рекламу, монтаж эпизодов и тизеров, старт и завершение сезонов, копирайт, подбор дикторов и прочее. Ну то есть за всё. Тем самым невольно оказываю неоценимую услугу по реализации чудовищных замыслов антропотов. Но теперь этому придёт конец.

– Вы закроете шоу?

– Нет, но мы изменим его сценарий. И ты мне в этом по-

можешь.

Произнеся последнюю фразу, Бану снова взглянул на часы, виновато развел передними лапами и исчез. В ту же секунду зазвонили в дверь.

Глава 9

Есть ли у вас план, Мистер Фикс?

Мистер Фикс

Шёл уже седьмой час, как Георгий Андреевич с долготерпением тибетского монаха созерцал из окна умиротворяющую панораму заснеженных гор. Как и в прошлый раз, его поселили в модном эко-отеле, расположенном прямо на склоне и состоящем из двух десятков небольших индивидуальных шале. Главной «фишкой» этих милых двухэтажных домиков были огромные окна во всю стену. Конечно, если не считать того, что построены они были из исключительно натуральных материалов. Однако повальное увлечение экологичностью не находило отклика в сухой душе Георгия Андреевича, зато панорамные окна ему очень нравились. Особенно его забавляло, лежа в роскошной мраморной ванне, наблюдать за пролетающими всего в нескольких метрах от окна горнолыжниками. Благо снаружи окна были затемнены.

Настроение у Занина было отвратительное. В таком расположении духа он обычно впадал сначала в гиперактивную

суету: кому-то звонил, с кем-то встречался, куда-то торопился и всё это с шумом, гамом, в общем, на износ. Пройдя же эту истеричную стадию, он переходил в крайне меланхолическое состояние, похожее на оцепенение напуганной коалы. Окна этого замечательного альпийского шале были просто созданы для той протрации, в которую он впал сразу же, как только дверь за носильщиком захлопнулась. Его пухлая дорожная сумка так и осталась лежать у входа не распакованной. Да что там сумка, он даже не разделся, так и усевшись на пол в пальто и уставившись в долгожданное окно.

Торопиться Георгию Андреевичу было некуда. На встречу, ради которой он прибыл в этот прекрасный край, его могли вызвать, как через пять минут после прибытия, так и через несколько дней. От него тут ничего не зависело, а он просто на дух не переносил ситуации, в которых от него ничего зависело. Но таковы были правила, установленные службой безопасности господина М. или просто Финика, как его прозвали ещё в конце восьмидесятых во время недолгой отсидки за фарцовку финскими сапогами. В те беспокойные времена и состоялось их знакомство, когда быстро набравший вес после освобождения молодой коммерсант обратился в недавно созданную, но уже довольно популярную, газету Занина, с целью размещения рекламы своей компании.

Их нельзя было назвать друзьями или даже приятелями. Все эти годы их связывали исключительно деловые, меркантильные отношения. Но следует отдать должное, что бы ни

происходило в сложных судьбах этих очень высоко взлетевших людей, друг друга они никогда не кидали. Во многом из-за этого они и сблизились, оказавшись по прошествии лет за бортом властной корпорации. Обоим было глубоко за пятьдесят, и старость не казалась уже чем-то далеким. А главное, ввиду плачевного состояния их дел, безоблачным.

Судя по встревоженному голосу, в дверь стучали уже давно.

– Господин Занин! Георгий Андреевич! Откройте! Вы слышите меня? Георгий Андреи-и-и-ч...

Неимоверным усилием воли Занин вытянул себя из липкой меланхолии, словно барон Мюнхгаузен, как известно, имевший привычку тянуть себя за волосы из болота. Он неторопливо подошёл к двери и открыл собравшейся уже бежать за помощью Марине. Молодая женщина, работающая старшим референтом М. уже второй год, облегченно вздохнула.

– Ну, напугали, Георгий Андреевич. Заснули с дороги, что ли? – воскликнула она приветливо.

– Нет, задумался, – буркнул Занин.

– Он ждёт вас, пора ехать.

– Пора, значит, поедем, – проводив взглядом очередного любителя острых ощущений, пролетевшего за окном, он последовал за девушкой.

Усевшись на заднее сидение белого внедорожника, ожидающего их перед входом в шале, Георгий Андреевич почув-

ствовал себя бодрее. Рядом с водителем сидел плотный мужчина с характерной внешностью СБ-шника. Кивком головы он скомандовал водителю, что можно ехать. Занин уставился было в окно, но вовремя одёрнул себя, почувствовав симптомы вновь готовой засосать его в свою трясиину тоски.

– Как у него настроение? – обратился он к Марине.

– Хорошее. Я бы даже сказала, боевое, – улыбнулась девушка.

Занин удовлетворённо кивнул. Он вытащил смартфон из кармана и углубился в чтение новостей, чтобы не отвлекаться на живописные альпийские пейзажи.

Путь занял не много времени. Машина затормозила у большого уединённого дома, окружённого пушистыми елями. В доме было три этажа, но свет горел лишь в двух окнах на первом этаже. «Значит, семья в отъезде», – подумал Занин. Из широкой кирпичной трубы шёл густой белый дым, из чего Георгий Андреевич сделал вывод, что хозяин дома примет его в каминной гостиной. Вместе с Мариной они проследовали в дом за охранниками М.. К ехавшему в машине присоединился второй СБ-шник, встретивший их во дворе дома. Перед входом в гостиную охрана тщательно досмотрела их, что не удивило Занина. Он уже свыкся с манией преследования своего партнёра и не протестовал против всей этой шпионской конспирации. Ему даже казалось, что это самоощущение загнанного зверя льстило Финику, так как создавало иллюзию, что кому-то есть до него дело. Что ж,

почему бы не подыграть старому товарищу, если для него это так важно.

М. сидел в кожаном кресле возле уютно потрескивающего камина и как раз начал раскуривать толстую сигару из той серии, которая производилась когда-то в Доминикане эксклюзивно для него. Будучи человеком бережливым, М. сохранил несколько штук на будущее и выкуривал их только по особым случаям. «Хороший знак», – промелькнуло в голове у Георгия Андреевича. М. был невысоким, седым, крепким мужчиной, сохранившим, несмотря на годы, достаточную степень привлекательности. В отличие от Занина, который как-то резко обрюзг и постарел, как только у него начались трудности. Финик же, казалось, наоборот мобилизовался и выглядел отлично для своих лет. Про таких в народе говорят «красиво стареет». Несомненно, его хорошей форме способствовали целебный альпийский воздух, регулярные занятия спортом, посещение лучших клиник по омоложению и прочие прелести, доступные человеку с многомиллионным состоянием. А ведь когда-то оно было многомиллиардным.

Увидев вошедших гостей, М. отложил сигару, встал и тёплыми объятиями поприветствовал Георгия Андреевича. Жестом он пригласил присесть его в кресле напротив своего. Затем что-то шепнул на ухо Марине, которая, кивнув в ответ и попрощавшись с Заниным вежливой улыбкой, вышла из комнаты.

– Чувствую, что у тебя хорошие новости? – начал беседу гость.

– Тебя не проведешь, Жорж, – улыбнулся М. – Сигару?

– Нет-нет, спасибо, врачи не разрешают. Я своё откурил, – вежливо отказался Георгий Андреевич, зная, что хозяин дома расстроится потере драгоценной сигары из числа тех самых, напоминавших ему о временах бывшего могущества.

– Это потому что курил всякое дерьмо, вот и загадил лёгкие. А это чистейший продукт! – с довольным видом затянулся Финик.

«Как был жмотом, так им и остался, фарцовщик хренов», – злобно подумал Занин, улыбнувшись в ответ.

– Они активировали Номера 3! – склонившись к нему, заговорщицким тоном прошептал М.

Некоторое время Георгий Андреевич молча переваривал полученную информацию. Наконец, задумчиво ответил:

– И что же в этом хорошего? Значит, всё кончено?

– Ничего подобного, тупая твоя башка! Всё только начинается! – торжествующе воскликнул Финик.

– Объяснил бы лучше толком, – изобразил обиду Занин, хотя давно привык к подобному обращению со стороны своего старшего, во всех смыслах, партнёра. Он и партнёром-то посмел именовать его только с недавних пор, когда вынужденная эмиграция сблизила их.

– Знаешь ли ты, мой дорогой Жорж, кто именно этот Номер 3? – озорной огонёк заиграл в глазах опального олигар-

ха. – Не скрепи мозгами, ни за что не догадаешься. Помнишь ли ты свой чудесный домик на берегу Комо?

– Да, конечно, помню, – непонимающе заморгал Занин.

– Отлично! А не будешь ли ты столь любезен, еще раз прячь свою старческую память и вспомнить, благодаря кому ты его лишился?

Ещё бы он не помнил, ведь с этого и начались все проблемы в его, казалось бы, невероятно благополучной жизни!

– Не может быть! Этого просто не может быть! Миша? Миша Брыльский?! – от волнения Георгий Андреевич пошёл пятнами, что несколько испугало его собеседника.

– Так-так, держи себя в руках. Сердечного приступа мне тут еще не хватало! – погрозил ему пальцем М. – Но, чёрт побери, да! Именно, что Миша, и именно, что Брыльский!

Георгий Андреевич откинулся в кресле, расстегнул верхние пуговицы сорочки и ослабил галстук. «Да-а-а, эффект был велик!» – не преминул бы вставить Борис Кахидзе фразу из «Двенадцати стульев», будь он свидетелем этой сцены.

– Н-но, к-как ты узнал? – запинаясь, но постепенно приходя в себя, прохрипел Георгий Андреевич.

– В газетах пишут! – весело подмигнул М., любивший поиздеваться над товарищем. – Ну как же еще, Жорж? Разумеется, от *него*.

– И что теперь? Я так понимаю, у тебя есть какой-то план? – окончательно взял себя в руки Занин.

– Ещё какой план! – торжествующе вскинул руки и воз-

буждённо заходил по комнате Финик. – И он уже реализует-ся. Марина сейчас на пути в аэропорт.

Глава 10

Я к вам пишу – чего же боле?

Т. Ларина

Михаил прильнул к дверному глазку, внутренне подготовившись увидеть там хоть чёрта лысого. Облегченно выдохнув, он открыл дверь.

– Какими судьбами, Борь?

– Нет, ну ты совсем совесть потерял! Я его жду весь вечер, названиваю, места себе не нахожу, а он мне тут комедию разыгрывает.

Брыльский мысленно хлопнул себя по лбу, вспомнив об обещании заехать вечером к Борису.

– А что разве уже вечер? – попытался он вывернуться. – Понимаешь, я заснул и как-то потерял счёт времени.

– Ой, халтура. Ой, не верю, – поморщился Кахидзе. – Может, ты меня всё-такипустишь?

– Нет! – вскрикнул Миша. – Ну то есть, да. Конечно. Давай прогуляемся, Борь? Мы же собирались подышать воздухом, помнишь? Ты же сам говорил, что там весной пахнет. Я сейчас. Буквально минуту!

Борис оторопело глядел на захлопнувшуюся у него перед

носом дверь. Открыв было рот, чтобы сказать что-то нелицеприятное в адрес вконец охамевшего друга, он вдруг передумал. Задумчиво почесав лоб, он присел на ступеньку лестницы и стал ждать.

Брыльский действительно собрался очень быстро. На ходу застёгивая куртку и наматывая на шею шарф, он взял друга под руку и чуть ли не насильно повёл его вниз по лестнице. У Бори возникло чёткое ощущение, что его стараются поскорее увести подальше от квартиры, но он и тут промолчал. «Бабу что ли привёл? Ну и что так стесняться-то? Совсем на него не похоже», – недоумевал Кахидзе про себя.

– Ну что, куда пойдём? С Патриками, извини, не сложилось. Могу предложить вполне симпатичный скверик у нас в Ясенево, – улыбнулся Брыльский.

– Ладно, – буркнул Борис.

Пошёл девятый час, и зябкая мартовская ночь начала вступать в свои права. Несмотря на лёгкий морозец и все ещё лежавший местами серый снег, на улице действительно было приятно. В воздухе витало предчувствие близкого пробуждения жизни. Когда-то Брыльский очень любил эти последние мгновения томительного ожидания весны, наполнявшие его мощной созидательной энергией и жизнелюбием.

Они молча прошагали пару кварталов, на перекрёстке перешли на другую сторону широкого проспекта и, пройдя еще немного, вошли в небольшой, довольно ухоженный парк. Было многолюдно и шумно, особенно возле просторной дет-

ской площадки. Купив в ларьке по стаканчику кофе, они углубились в более уединённую часть сквера.

– Ну как дела дома? – прервал, наконец, молчание Миша.

– Всё хорошо, спасибо. Мои отправились в гости к Аллиной тёте, а я весь день пытался посмотреть новый опус того итальянца, о котором позавчера рассказывал на летучке Ваня Файбушевич. Помнишь?

– Ага, – кивнул Брыльский. – Ну и как итальянец?

– Редкостная тягомотина. Так и не досмотрел.

– Сдаётся мне, в понедельник миру будет явлена разгромная рецензия от грозного Бориса Борисовича?

– Не ёрничай. Между прочим, в этом есть и твоя вина. У меня всё не выходит из головы это твоё утреннее происшествие с телефоном. Но готов признать, ведешь ты себя вполне адекватно. На белую горячку не тянешь.

– Ну, спасибо, друг! А я тебе о чём толковал? Происшествие, действительно, странное, но наверняка этому есть разумное объяснение. Мог же произойти сбой на телефонной линии, и звонок каким-то чудесным образом пробился ко мне. Ты же знаешь, я не силён в технике. А может и правда мне всё это приснилось. По крайней мере, больше мне сегодня никто кроме тебя не звонил.

По дороге в парк Брыльский мучительно размышлял, нужно ли рассказывать Борису о визите крокодила и обо всём, что тот ему поведал. К сожалению, никаких указаний на этот счет, внезапно исчезнувший инопланетный телепро-

дюсер, ему не дал.

Откуда он, кстати, узнал, что кто-то придёт? Может он ещё и будущее видит вдобавок к телепатии? Рассказать или промолчать? С одной стороны, Боря, обладавший поистине энциклопедическими знаниями и логическим мышлением, мог бы дать ему действительно дельный совет и помочь как-то выпутаться из этой невероятной истории. С другой стороны, тот же логический склад ума Бориса, оставлял мизерные шансы на то, что тот поверит ему, а не придёт к окончательному заключению насчёт его предполагаемого помешательства. В результате победила осторожность.

– Мне было важно увидеть тебя воочию, Брыльский. Теперь я немного успокоился, но всё же советую держать ухо в остро и сообщать мне о любых необычных происшествиях. Даже самых незначительных. Кудрицкий обещал помочь, кто бы там тебе не угрожал. Договорились?

– Так точно, командир! А я и не знал, что ты такой крутой мужик, – хлопнул друга по плечу Миша. Он очень старался держаться непринуждённо, хотя внутри пребывал в полном смятении от того, что поведал ему Бану Гарда.

Борис рассмеялся в ответ, чуть не пролив на себя кофе из картонного стаканчика.

– Вот скажи мне, почему покупая кофе на вынос в центре, ты даже не задумываешься о том, что стакан может быть без крышки, а вот в парке на окраине такое вполне допустимо? А ведь это, наверное, оказывает существенное влияние на

цены на рынке недвижимости.

– Это из тебя брызжет феодальный шовинизм, князь. И вообще не смей обижать наш район, пацаны не поймут.

– Ну да, и это мне говорит человек, считавший выезд за пределы Садового кольца сродни полёту на другую планету.

– Ох, давай только не про планеты, – скривился Брыльский. Страшным усилием воли он удержал себя от соблазна схватить товарища за грудки, тряхнуть хорошенько и вывалить ему все правду об истории возникновения их родной планеты.

– Давай. У меня, кстати, есть дело к тебе. Буквально перед выходом из дома получил интересный e-mail. Вот, прочти, – Борис протянул товарищу телефон.

Уважаемый Борис Борисович,

Меня зовут Марина Швецова. Я представляю интересы одного крупного коллекционера предметов искусства из Нидерландов. По определенным личным причинам, не имеющим отношения к нашему делу, мой клиент планирует в ближайшее время, выставить на аукцион целую серию картин голландских художников Золотого Века, среди которых работы Хальса, Вермеера и Стена.

По нашему мнению, данные картины могут вызвать большой интерес со стороны российских коллекционеров. В рамках промо-кампании предстоящего аукциона мы хотели бы предложить вашему уважаемому изданию, записать и

опубликовать эксклюзивное интервью с моим клиентом, в котором он представит свою коллекцию и поделиться историей своей знатной фамилии, уходящей вглубь веков. Безусловно, мы осведомлены, что ваш журнал специализируется на кинематографе. Но в то же время мы знаем, что публикуемые у вас материалы по другим видам искусств привлекают пристальное внимание, как широкой общественности, так и профессионального сообщества.

Разумеется, мы готовы возместить все ваши расходы по организации интервью, а также оплатить публикацию, согласно принятым в вашем издательстве расценкам. Кроме того, мы почтим за честь щедро отблагодарить вас лично за содействие.

Сегодня ночью я прилетаю в Москву с кратким визитом и была бы рада увидеться с вами завтра утром для обсуждения деталей. Прошу подтвердить ваш интерес и связаться со мной по указанному ниже контактному номеру для назначения места и времени встречи.

*Искренне ваша,
Марина Швецова*

P.S. Наш общий знакомый, Георгий Занин, порекомендовал мне одного репортёра из вашего издания, а именно некоего Михаила Брыльского. По мнению г-на Занина это профессионал исключительно высокого класса, поэтому хотела

бы попросить вас, поручить интервью именно этому журналисту.

– Что скажешь? – спросил Борис.

– Чувствуется, что дама давно работает за рубежом. Какой высокий штиль, у нас так красиво не пишут в деловой переписке, – оценил письмо Миша.

– Соглашусь. Написано действительно не по-нашему. Ну а по сути вопроса, что думаешь?

– Думаю, тут можно срубить неплохой гонорар, – усмехнулся Брыльский. – Вот только постскриптом несколько смущает. Я ещё готов поверить, что Занин там за границей вращается в дворянских кругах, но то, что он дал мне такую положительную рекомендацию – крайне сомнительно.

– Вот завтра и выясним это. Я уже договорился с госпожой Швецовой о встрече в десять утра в «Four Seasons», где она поселится. Надеюсь, не продинамишь опять?

– Ради голландцев Золотого Века, я готов на любые жертвы, – театрально приложил к сердцу ладонь Миша.

Пройдя до конца сквера, приятели развернулись и, непринуждённо болтая, двинулись обратно к дому Брыльского. Проводив Бориса до машины, Миша устало побрёл домой. В обществе друга он прилагал максимум усилий, чтобы держаться, как ни в чём не бывало, и не думать о Бану Гарда и судьбах Вселенной. Но как только Кахидзе уехал, из Брыльского как будто выпустили весь воздух. Он еле добрался до

кровати, успев на всякий случай убедиться, что в квартире нет никаких незваных гостей. Поставив будильник на восемь утра, молодой человек заснул мертвецким сном в то же мгновение, как его голова коснулась подушки.

Глава 11

Англичане называют меня ведьмой.

Горбатой, беззубой, старой ведьмой, Карл!

Орлеанская дева

Марина Швецова была из того типа русских женщин начала двадцать первого века, которые котируются за рубежом гораздо выше, чем на Родине. Она не отличалась особенной красотой или исконно славянской женственностью, которая так ценилась во все времена, хотя и была недурна собой и умела выглядеть весьма сексуально, когда ей это было нужно. Не отличалась она и феноменальным интеллектом, хоть и обнаружила с ранней юности способности к изучению языков, благодаря чему свободно говорила на четырёх европейских языках, а с недавних пор взялась за изучение китайского. Её главным талантом было глубокое понимание человеческой сущности. Марина обладала удивительной способностью чуть ли не с первого взгляда считывать самые сокровенные желания, страхи и пороки человека и, умело играя на них, манипулировать им в своих интересах. Ну или в интересах своих нанимателей.

Такие способности присущи в принципе всем женщинам в той или иной степени, но Марина развила их у себя до недостижимого, для простых смертных, уровня. Обладая вдобавок твёрдым характером, расчётливым умом и поистине звериной целеустремленностью Швецова стала чрезвычайно востребованным специалистом по управлению человеческими отношениями и решению весьма широкого спектра деликатных вопросов.

Те, кто хорошо знали её по работе, относились к ней с опаской, понимая, что имеют дело с безжалостной хищницей. Тем же, кому посчастливилось не соприкоснуться с ней близко, она казалась милой и безобидной девушкой, не лишённой интеллекта, но годящейся максимум на роль хорошего исполнителя. Созданию этой маски Марина посвятила довольно много времени и очень гордилась этим своим творением. Были у неё и некоторые другие заготовки для особых случаев, но образ симпатичной простушки был её, так сказать, повседневным нарядом.

По окончании Сорбонны, она сделала карьеру в крупном парижском банке, быстро дослужившись до руководителя службы по связям с общественностью. Однако для независимой и авантюрной натуры девушки эта работа была слишком скучна. В один прекрасный день Марина решила, что не для того она в восемнадцать лет уехала из родного Воронежа, оставив родителей и младшего брата, чтобы с утра до вечера редактировать однообразные пресс-релизы, вести уны-

лые пресс-конференции и улыбаться на деловых фуршетах занудным французским банкирам. Осознав, что всё это не находит отклика в её непокорном сердце, она в тот же день уволилась из банка и отправилась в путешествие по Соединённым Штатам.

Проехав с запада на восток, она решила осесть на некоторое время в Нью-Йорке. Именно там Марина поняла своё истинное предназначение. В этой цитадели большого бизнеса, где шансы добиться успеха гораздо выше при наличии связей с сильными мира сего, люди готовы были платить хорошие деньги за помощь в установлении нужных контактов. Пользуясь своим даром распознавания и решения чужих проблем, девушка быстро обросла полезными знакомствами и стала торговать связями.

Через некоторое время она вышла на международный уровень. Крупные бизнесмены обращались за её услугами в самых сложных и щекотливых ситуациях. Например, когда нужно было увести партнёра у конкурента, добиться нужного решения от властей или установить связи с диктатором из какой-нибудь страны третьего мира, богатой полезными ископаемыми. При этом, будучи посвященной во многие тайны своих заказчиков, она умела держать язык за зубами и никогда не совала нос туда, куда не следует. Благодаря этим своим не совсем женским качествам, она чувствовала себя в безопасности настолько, насколько это могло быть при её беспокойном роде деятельности.

Марина добивалась результата, благодаря доскональному изучению личности субъекта, от которого зависело решение поставленной задачи. Зачастую она знала о своём подопечном гораздо больше, чем он знал о себе самом. Естественно, это знание включало в себя и некоторые неблагоприятные тайны чужой души. Поэтому если не получалось склонить субъекта на свою сторону, оказав ему неоценимые услуги по разрешению терзающих его сердце вопросов, в ход шёл банальный шантаж. Но такое в практике Марины случалось крайне редко, и считалось ею профессиональной неудачей. Госпожа Швецова любила, когда работа сделана чисто и без лишнего драматизма.

В подавляющем большинстве случаев ей приходилось работать с мужчинами. Причём, как правило, мужчинами богатыми, властными и непривыкшими к отказам со стороны противоположного пола. Некоторые кейсы могли бы быть разрешены гораздо быстрее, удели она немного внимания и нежности «подопечному», но такого Марина не позволяла себе никогда. И дело тут не в моральных принципах, они у неё были весьма своеобразны. Просто она считала это слишком лёгким решением, несоответствующим её высокому профессиональному уровню.

С господином М. её познакомил их общий знакомый – швейцарский чиновник, который в своё время был «субъектом», а после успешного разрешения дела перешёл в разряд её приятелей. Такое иногда случалось, когда подопечный вёл

себя хорошо и не создавал ей лишних хлопот, прежде чем согласиться сотрудничать.

М. сначала решил было приударить за симпатичной соотечественницей, но наведя справки, благоразумно решил, что Марина будет ему полезнее в качестве сотрудника. Находившаяся в преддверии тридцатилетия Швецова порядком устала от метаний по миру. Немного поразмыслив, она приняла его весьма щедрое предложение о работе. Молодая женщина только оговорила, что все вопросы будет решать с ним лично без посредничества каких-либо помощников, а также оставила за собой право не посвящать своего нового босса в методы решения тех или иных задач. Также они подписали соглашение о конфиденциальности, в котором были прописаны астрономические суммы штрафов для М. в случае разглашения сведений о проводимых ею операциях и роде её деятельности в целом. Скромная должность личного референта с одной стороны не привлекала к Марине лишнего внимания, а с другой – объясняла её близость к М. и широкий спектр вопросов, в который она была вовлечена.

Было без пяти минут десять. Марина стояла перед массивным зеркалом в номере отеля и придирчиво оглядывала себя. В зеркале отражалась миловидная блондинка с короткой стильной стрижкой, ростом чуть менее ста семидесяти сантиметров. Её точёная фигура была облачена в деловой тёмно-серый костюм и лиловую блузку. Элегантные туфли на высоком каблуке подчёркивали длину и стройность ног.

Приблизив лицо к зеркалу, Марина подумала о том, что её прямой нос мог бы быть и короче, а накрашенные красной помадой губы пухлее. Уровень её доходов позволял легко исправить эти недостатки, но ей не хотелось лишать себя индивидуальности. Повернувшись спиной к зеркалу и взглянув на себя в вполоборота, она осталась довольна результатом и, взяв сумку, вышла из номера.

Кахидзе уже сидел за столиком в лаунже отеля и нервно теребил салфетку, гадая, придет ли его непутёвый друг вовремя. Участие в этом проекте обещало быть очень выгодным, как для издательства, так и лично для них. Судя по именам живописцев, перечисленных в письме, общая стоимость выставяемых на продажу картин должна была быть никак не меньше сотни миллионов евро. А значит, и на раскрутку аукциона хозяин коллекции денег не пожалеет. Поэтому Боря аж подскочил на стуле от радости, как только заметил входящего в зал Мишу.

– Три минуты одиннадцатого. Ну, Брыльский, молодец! Успел-таки.

– Доброе утро, княже! Где же наша, принцесса?

– Задерживается слегка, как и положено принцессе. А вот, кажется, и она.

Брыльский обернулся. Уверенным шагом к их столику приближалась весьма симпатичная блондинка.

– Я Марина Швецова, – протянула она руку Брыльскому и обворожительно улыбнулась.

– Миша. Михаил Брыльский, – смутился он вдруг.

Обменявшись рукопожатием и с Борисом, она присела, закинув ногу на ногу и поправив юбку. Костюм у Марины был довольно строгий, но юбку она немного укоротила. Ровно настолько, чтобы не нарушать деловой этикет, но в то же время добиваться нужного эффекта. По взглядам мужчин она в очередной раз убедилась в безотказности этого метода.

Заказав кофе и лёгкий завтрак, они некоторое время обменивались любезностями, пока, наконец, не перешли к делу.

– Господа, прежде всего, хотела бы попросить прощения за то, что вынудила вас приехать сюда в воскресенье в столь раннее время. Я искренне благодарна вам за то, что вы откликнулись на мою просьбу, ведь, к сожалению, уже завтра я должна покинуть Москву.

– О, ну что вы, Марина... – начал было смущённо Боря.

– Ничего страшного. Мы с Борисом любим по воскресеньям завтракать с красивыми леди, – решил пошутить для уверенности Брыльский.

– Благодарю за комплимент, Михаил, – вежливо улыбнулась Марина. – Но, позвольте мне перейти к делу. Столько забот! Вы даже не представляете, сколько всего мне нужно успеть за сегодняшний день.

– Мы вас прекрасно понимаем. И, кстати, если нужна какая-то помощь, можете на нас рассчитывать, – укоризненно посмотрев на друга, проговорил Кахидзе.

– Увы, мне даны такие поручения, которые можно исполнить только лично. Но благодарю вас за предложение, Борис. Итак, мой клиент рассчитывает продать серию своих картин за очень хорошую цену. И небезосновательно полагает, что такую цену могут заплатить в первую очередь русские ценители искусств. Таким образом, мы рассматриваем российский рынок как приоритетный, и готовы вложить максимум средств и усилий, чтобы привлечь внимание местной публики к аукциону.

Миша и Борис синхронно кивнули и отпили кофе. Марина продолжила:

– Но, к сожалению, мы очень ограничены во времени. Финансовые затруднения, которые возникли у моего клиента, требуют скорейшего разрешения, поэтому аукцион состоится уже через пятьдесят два дня. Все подготовительные работы уже проведены. Картины осмотрены экспертами, все необходимые заключения выписаны. Буквально через час у меня встреча с одним из ведущих российских переводческих бюро. Так что я ожидаю, что уже через несколько дней все материалы будут переведены на русский, и мы отправим в печать каталог.

Официант принёс блины «а-ля рюс» и несколько розеток с разными сортами варенья и мёда. По инициативе Швецовой, которая действительно очень торопилась и хотела успеть позавтракать, разговор прервался на некоторое время.

– Всегда заказываю в России блины на завтрак, но смею заверить здесь они лучшие. Как вам, господа? – посмотрела она своими большими и очень выразительными тёмно-кариыми глазами на Брыльского. Разумеется, этот взгляд был ею тщательно отрепетирован и должен был стимулировать у субъекта желание кормить её блинами в любое время дня и ночи.

Друзья одобрительно закивали, при этом Миша вновь почувствовал несвойственное ему смущение.

– Так вот, ввиду таких экстремальных сроков подготовки аукциона, а обычно на это выделяется порядка пяти-шести месяцев, мы должны срочно начинать анонсирование. Согласно нашему плану, стартовать нужно с интервью господина Эвертсена. Насколько мне известно, ближайший номер вашего журнала уходит в печать в пятницу. Следовательно, чтобы успеть вставить наш материал, нам нужно записать интервью буквально завтра. Михаил, вы готовы завтра утром лететь со мной в Амстердам?

От неожиданности Брыльский чуть не поперхнулся кофе. Он посмотрел на Бориса, но тот тоже был растерян и только глупо моргал, уставившись на Швецову. «Не знаешь, что сказать – пошути», – вспомнил он разработанный для женского журнала шуточный «Кодекс ловеласа».

– Марина, если продолжить эту закономерность, утро вторника мы тоже проведём с вами вместе.

– Поживём – увидим, – проговорила она с натужной улыб-

кой.

– Вот-вот, Брыльский. Именно это ответила мама Лукашина твоей очаровательной однофамилице, – засмеялся Кахидзе, стараясь разрядить обстановку, но у него не очень-то получилось. Марина давно уже выпала из российского культурного контекста и не поняла кто такой Лукашин и причём тут его мама.

– Госпожа Швецова, я, в общем-то, готов лететь, и, думаю, редакция возражать тоже не будет, верно Борис? Но есть одна загвоздка.

– Какая? – деловым тоном спросила девушка.

– Я давно не был в Европе, и у меня нет открытой шенгенской визы. Боюсь, даже в ускоренном порядке её получение займёт несколько дней. Уверен, у нас в редакции есть журналисты с готовыми визами, поэтому с интервью проблем не возникнет.

– Да-да, конечно, есть. Да вот взять хотя бы Ваню Файбушевича, он только неделю как вернулся из Италии, – с надеждой в голосе залепетал Кахидзе.

«Тоже мне проблема. И кем бы я была, если бы не позаботилась об этом заранее?», – фыркнула Марина в уме, вслух же произнесла:

– Вот незадача. Ах, как же это досадно, – пошла в ход заготовка «я глупая, маленькая девочка, кто же мне поможет?». – Как вы сказали? Файбушевич? Но про него Георгий Андреевич нам ничего не говорил, а господин Эвертсен до-

веряет его мнению, когда вопрос касается российских медиа. Простите, но я не могу принять такое решение, мне нужно связаться с моим клиентом.

Не на шутку расстроенная девушка достала из сумочки мобильный телефон и, виновато улыбнувшись, отсела за свободный стол в другом конце лаунжа. Брыльский развёл руками в ответ на неодобрительный взгляд Бориса. Швецова вернулась к ним минут через пять с сияющей улыбкой на лице.

– Всё в порядке, господа! Оказывается, близкий родственник моего клиента является заместителем главы МИДа Нидерландов. И хоть это у них и не принято, но ввиду исключительной важности вопроса, он согласился его побеспокоить. Михаил, вам оформят срочную визу сегодня же, как лицу, визит которого имеет государственное значение для Королевства.

– Вау! – только и смог выдать из себя Брыльский. В голове у него пронеслось – «Что же такого наплёл им обо мне этот старый прохвост Занин?».

Боря же, дабы не спугнуть удачу, молча уткнулся носом в уже пустую чашку кофе.

– Только мне нужен ваш паспорт и фото. Давайте поступим следующим образом. Вы сейчас отправляйтесь домой и по дороге сделайте фотографии. А я через пару часов пришлю к вам курьера за ними. Напишите только здесь ваш адрес, – протянула Марина блокнот, не давая опомниться своим собеседникам. – Ну вот, отлично. Билет на завтрашний

рейс я вам тоже забронирую. Ой, простите, не могли бы вы дописать тут ещё ваш номер телефона. Я вышлю вам сообщение с полетными данными. Благодарю! Ну всё, господа, я вынуждена бежать. Счёт запишут на мой номер, так что не беспокойтесь. Ещё раз простите, что отняла у вас время в воскресное утро.

Быстро пожав им руки и выразительно взглянув на Мишу для закрепления результата, она мило улыбнулась и упорхнула. Изумлённый Брыльский проводил её долгим молчаливым взглядом, еле сдержавшись, чтобы не устремиться вслед.

Глава 12

*Мюнхгаузен славен не тем,
что летал или не летал,
а тем, что не врёт.
Барон Мюнхгаузен*

Такси уже подъезжало к дому, а у Брыльского не выходил из головы образ Марины Швецово́й. Эта женщина была соткана из противоречий. Трогательный, проникновенный взгляд, полный очарования и нерастраченной нежности. И в то же время ощущение исходившей от неё угрозы, тщательно скрываемой под маской легкомыслия. «Нет, эта дамочка не так проста, как кажется. Уж я-то знаю женщин, не зря все-

таки ел свой горький хлеб в женском журнале. Ох, сдаётся мне, неспроста всё это. Ну ладно, сыграем и в эту игру. В конце концов, мы всего лишь подопытные мыши на столе у любознательного экспериментатора, не так ли Бану?» – коротал время в размышлениях Миша.

– Приехали, камандыр, – вернул его к реальности типичный московский таксист.

Расплатившись, Брыльский вышел из машины и проверил, не выронил ли в такси конвертик со свежими фото на визу. Убедившись, что всё на месте, он торопливо зашёл в подъезд. Надо было ещё найти загранпаспорт, прежде чем явится курьер от Швецовой, а он, конечно же, понятия не имел, куда его засунул. Поднимаясь на лифте, он почувствовал какое-то странное возбуждение. У него будто начался лёгкий зуд на кончиках пальцев. Брыльский даже взглянул на свои руки, но не заметил ничего необычного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.